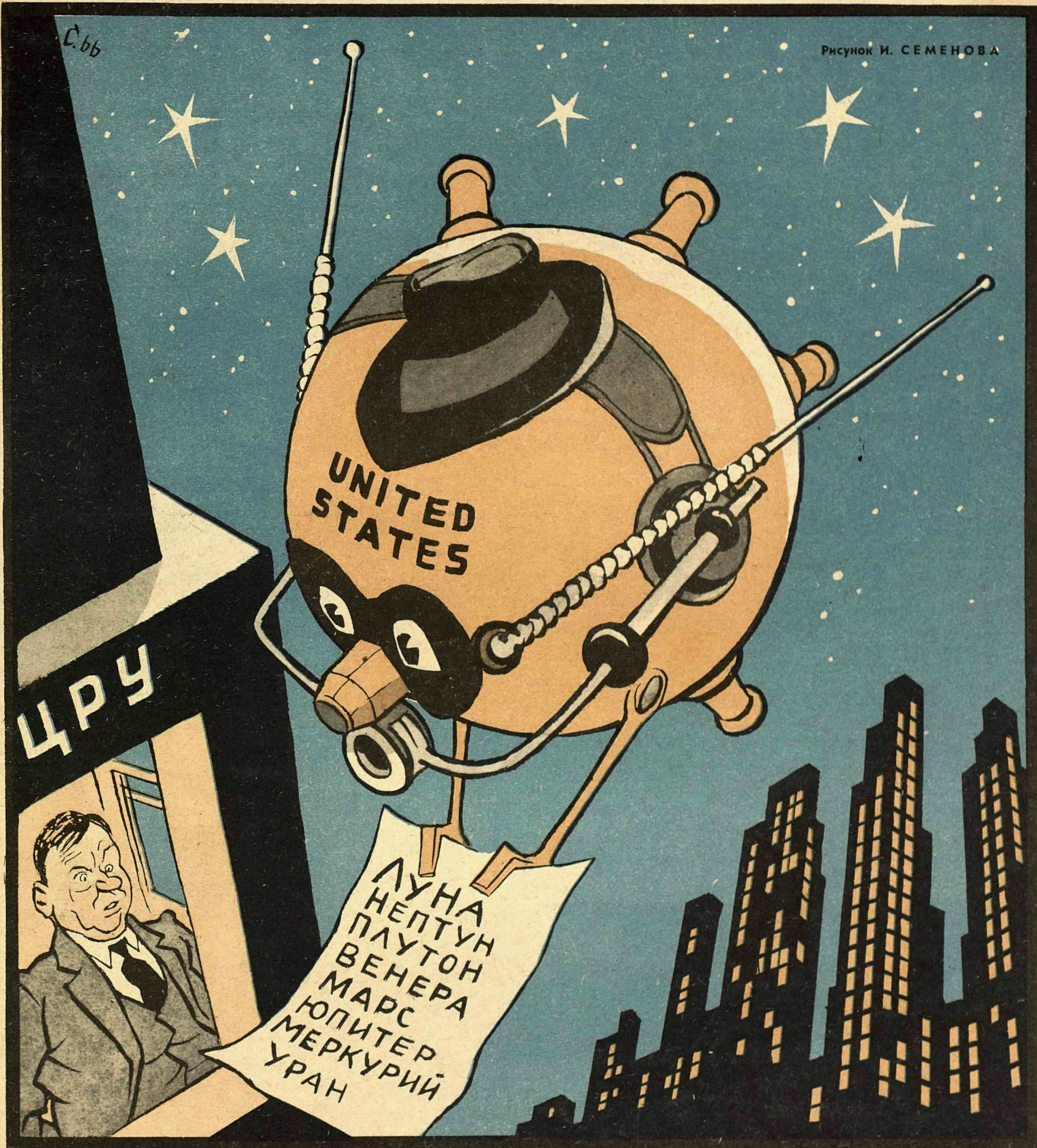

С.66

Рисунок И. СЕМЕНОВА

СОТРУДНИК ЦРУ: — Ну, что нового в космосе?

СПУТНИК-ШПИОН: — Вот список подрывных элементов, которые слушают коммунистический гимн.

КРОКОДИЛ

№ 11 [1805] апрель 1966

год издания сорок четвертый

Заметки
из Кремлевского
Дворца съездов

В ДНИ СЪЕЗДА

ПРОГНОЗЫ, ПРОГНОЗЫ...

Нравится это нам или нет, но мы живем в век прогнозов. Такая форма угадывания ближайшего и отдаленного будущего стала столь же обычной, как очередное перетасовывание колоды сайгонских марионеток или употребление растворимого кофе.

Прогнозы предшествовали и XXIII съезду КПСС. Молодой инструктор райкома только еще собирался поехать в самый отдаленный колхоз на первое в районе отчетно-выборное партийное собрание, а в редакции крупнейших газет Америки уже слетались патентованные эксперты по русским делам. Еще не состоялась в Ново-Анненской районная конференция, а эксперты совершенно точно, вплоть до мельчайших деталей определили, что будет сказано на съезде нашей партии и о чем тут предпочтут умолчать.

Чего только не было в этих гаданиях! «Крутой поворот», «перекладывание руля», «переоценка ценностей»,

Сергей СМЕРНОВ

Поздравляем!

Сочинил поэт о звездных даях,
Что ни строчка,
то — из бронзы скована:
«В небе вон
луна
такая молодая,
что ее
без спутников
и выпускать рискованно».

А теперь —
Ура советским людям!
Без конца
греметь в ладоши хочется:
У Луны-Селены
спутник есть и будет!
Кончилась
Эпоха одиночества!

«изменение курса», и так далее, и тому подобное. 29 марта открылся съезд. И по мере того, как телетайпы передавали содержание Отчетного доклада ЦК, лица экспертов постепенно вытягивались, пока окончательно не приняли форму гладильной доски.

«В течение многих месяцев некоторые специалисты по политике Кремля собирали по кусочкам целую картину», — писала 30 марта газета «Нью-Йорк геральд трибюн». — Вчера их предсказания с треском провалились». И правда: треск был очень сильный.

Впрочем, один прогноз оправдался, если только здесь уместен этот термин. Я имею в виду чаяния и надежды советских людей и всех наших друзей за рубежом.

Они знали, они были уверены, что XXIII съезд твердо и неуклонно продолжит линию октябрьского и ноябрьского Пленума ЦК КПСС. Так оно и случилось. Докладами, выступлениями делегатов, принятыми документами — словом, всей своей работой съезд подтвердил: нет и не будет возврата к субъективизму и прожектерству, политической трескотне и славословию, организационной неразберихе и насилию над здравым смыслом — всему тому, что мешало созидательной работе партии и народа.

Мы живем в век, чрезвычайно урожайный на прогнозы, — это несомненно. Но оснований для беспокойства нет. Опыт показывает, что умные, добрые прогнозы сбываются, а вздорные лопаются, как мыльные пузыри.

И это очень удобно.

РАБОЧИЕ БУДНИ И СЕНСАЦИИ

В эти дни ворота Кремля напоминали заводскую проходную, а Дворец съездов — огромную мастерскую. Все мы противники литературных штампов, но ежедневно повторяющаяся в газетах фраза необыкновенно точно выражала существо дела: «Съезд продолжает свою работу...»

Съезд длился десять дней. И, конечно, были в его работе торжественные, поистине волнующие моменты. Приходили пионеры и своей звонко-голосой декларацией трогали до слез даже закаленных в боях седых ветеранов. Гремели трубы военного оркестра, и делегаты все как один стоя встречали юных и сильных защитников Родины, пришедших приветствовать съезд партии. Поднимались на трибуну братья по классу — представители коммунистических и рабочих партий, и в притихшем зале звучал их взволнованный рассказ о замученных в застенках товарищах, о кровавых классовых схватках и добытых в трудной борьбе победах...

...Когда худенькая стройная женщина — член Центрального комитета Национального Фронта Освобождения Южного Вьетнама закончила свою речь, ее приветствовала делегация рабочих Москвы. Тот, кому предстояло вручить героине алый выпел — плавильщик Завода алюминиевых сплавов И. Д. Грешнев, долго не мог справиться с волнением и произнести несколько приветственных слов. Весь зал бурными аплодисментами помогал ему. Наконец он сказал, что намеревался сказать, хотя, может быть, не так уж гладко, и вручил выпел. Нгуен Тхи Бинь подняла выпел высоко над головой, а потом передала его стоящему рядом товарищу. И тут съезд увидел, как плавильщик широко раскинул руки и прижал героиню к своей груди. Этим братским объятием было сказано то, что бессильны передать любые слова...

Отгремела овация, погасли ослепительные софиты кино- и фотожурналистов, и на съезде вновь воцарилась спокойная, деловая обстановка. Выступали посланцы партийных организаций союзных республик, Дальнего Востока и Центральных районов страны, представители Сибири и Юга России. Они говорили о металле, угле, нефти, о сельскохозяйственных удобрениях и машинах. Высказывали свои соображения о первых ито-

гах экономической реформы. Делились мыслями по поводу дальнейшего совершенствования форм и методов партийной работы.

Чтобы улучшить дело воспитания партийных, советских и хозяйственных работников, надо восстановить прежние отделы кадров, предлагал один оратор. Нет, возражал ему другой, — подбирать и воспитывать людей должен тот орган, который отвечает за определенный участок работы, а не специальный отдел кадров, оторванный от жизни. Шло деловое обсуждение, продолжались поиски наиболее целесообразных решений...

Ну, а как же с сенсациями? Ведь их так ждали иностранные журналисты!

Да, были и сенсации. Первая произошла утром в субботу, 2 апреля. Тот, кто находился в этот день в зале, мог наглядно убедиться, как много среди делегатов съезда женщин. А именно: 1154. Когда началось утреннее заседание, то в партере и на балконах одновременно появилось 1154 гвоздики — подарок французских кооператоров с Лазурного берега. Они были прекрасны, эти гвоздики, словно алые язычки пламени, как прекрасны были и те, кто держал их сейчас в руках...

Со второй сенсации началось утро 4 апреля. Первый искусственный спутник Луны передал из космоса под своды Дворца хрустально чистые и звонкие звуки «Интернационала». Эта сенсация, конечно, имела куда большую значимость, но она была такой же красивой, как и первая.

Лишь только отзвучали последние такты мелодии, десятки журналистов покинули зал. Они спешили к телетайпам и телефонам, чтобы известить мир о новой выдающейся победе советского народа.

А председательствующий предоставил слово очередному оратору. Съезд продолжался... И все убедились, что при всем нашем отрицательном отношении к сенсационности хорошие, добрые сенсации отнюдь не мешают успеху деловой, сосредоточенной работы. Скорее, наоборот...

СЕМЬ ПЯТИЛЕТОК И ОДНА

В зале заседаний съезда между рядами кресел были поставлены ящики, куда каждый делегат мог опустить записку. В большинстве записок содержалась одна и та же просьба: «Прошу предоставить слово...»

И вот делегат на трибуне. О чем говорить? Конечно же, хочется сказать об успехах партийной организации, достижениях рабочих, колхозников, интеллигенции. Ведь за плечами у делегата семь пятилеток с того памятного XV съезда, когда партия разработала первый в истории пятилетний план. И даже молодой по возрасту делегат все равно имеет права на эти семь пятилеток, потому что несет эстафету, переданную ему героями труда тридцатых годов.

Если человек не поражен абсолютной нравственной глухотой, если его глаза не затянута непроницаемой пеленой равнодушия, он не может не поражаться всему тому, что свершил народ за прошедшие годы.

Делегат из Грузии рассказал о развитии энергетики республики. Он называл внушительные цифры. Но поразили не они, а один только приведенный оратором пример. В первой пятилетке крупнейшей в Грузии была Земно-Авчальская ГЭС, обслуживающая значительную часть народного хозяйства республики. А в 1970 году требуется две таких гидроэлектростанции, чтобы только обеспечить... питание телевизоров городского и сельского населения Грузии. Но уж если говорить о советской энергетике в целом, то достаточно привести две цифры: 5 и 507. Пять миллиардов киловатт-часов имели мы, приступая к выполнению первой пятилетки, пятсот семь миллиардов получили в прошлом году. Тогда, в канун тридцатых годов, мы практически не располагали газовой

Сергей ШВЕЦОВ

НА
СОЛНЦЕ
И
В ТЕНИ

(К весенне-летнему сезону)

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ

Прибыв из Барнаула в Сочи,
Он в карты дулся дни и ночи.
Лишь, возвратившись в Барнаул,
Там на работе отдохнул.

СТРОГИЙ РЕЖИМ

Он каждый год лечился так,
На воды получив путевку:
В Железноводске пил коньяк,
В Ессентуках хлестал «Зубровку»,
А жизнь ведя обычную,
Он пил одну «Столичную».

«ДИКАРИ»

Они народ весьма неприхотливый.
Все лето у хозяев во дворе
Готовы жить с улыбкою счастливой
В курятнике, в собачьей конуре...
И есть мечта у коммерсантов
здешних:
Сдать под жилье пустующий
скворечник!

ДИКАРИ БЕЗ КАВЫЧЕК

Отдохнуть пришли в лесок,
Порезвились в нем часок,
И остались от лесочка
Два березовых пенёчка!

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ

Везде, на море и на суше,
Транзисторы сверлят нам уши.
И в будний день и в воскресенье
От них нигде нам нет спасенья —
В трамвае, в поезде и даже
На шумном черноморском пляже.

И ПОСЛЕ

промышленностью, не производили минеральных удобрений, автомобилей, телевизоров, радиоприемников, холодильников, а сейчас эти виды продукции исчисляются миллиардами кубометров, миллионами тонн, сотнями тысяч и миллионами штук.

Когда министр обороны СССР сообщил съезду, что несколько дней назад группа атомных подводных лодок вернулась из успешного кругосветного похода, то мозг отказывался этому верить. Вокруг света — в подводном положении! Фантастика! Но вот президент Академии наук как бы между прочим упомянул о вычислительных машинах, способных производить миллион операций в одну секунду, и все стало на свои места. Наша индустрия, наука и, главное, наши люди выросли настолько, что им по плечу решение самых фантастических задач!

Семь и одна... Не надо быть искушенным в науках человеком, чтобы понять: эта нынешняя восьмая пятилетка при всей ее скрупулезно рассчитанной реальности и «заземленности» будет самой квалифицированной, а следовательно, самой разительной по конечным итогам.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

По мере того как съезд приближался к концу, лица делегатов становились озабоченнее. У кабин междугородного телефона скапливалось все больше людей.

Пожилой делегат с пышными, как у Тараса Бульбы, усами (я видел, как в перерывах за этими усами охотились все фоторепортеры) спрашивал кого-то в трубку: — Как дела на восьмом объекте? Не спускайте с него глаз! И проектировщиков, трясите проектировщиков!..

Еще продолжались прения по второму пункту повестки дня, а многие делегаты уже наполовину были там — на стройках, в лабораториях, на полях.

Агроном из узбекского колхоза жаловался:

— Устаю я очень в Москве, ноги болят...

Я сказал, что в их колхозе каждое поле — три-четыре километра, и надо обойти его по несколько раз в день. Как же он там не устает?

Агроном посмотрел на меня, как на человека, свалившегося с Луны.

— Зачем асфальт с полем равняешь, дорогой друг? Там меня ноги сами несут!

Приятен климат Москвы, широки и красивы ее проспекты, но этих одержимых людей манят иные дали...

Они не станут раздумывать, чем бы им заняться по приезду домой. Придется приналечь на многие дела, и в том числе на устранение недостатков.

На съезде говорилось о них без крикливости, но и не между прочим, не для формы («А теперь разрешите коснуться отдельных недостатков»).

Слесарь из Ленинграда Н. Н. Русаков сказал: «Я считаю, что самое большое внимание должно быть уделено качеству продукции». И привел такой пример. Заграничные фирмы охотно покупают советские линотипы. Но при этом говорят: снимите моторы, они «рычат». Делегат из Красноярска А. А. Кокорев сообщил: красноярское депо получило 44 электровоза Новочеркасского завода, но зимой они бездействуют, так как совсем не приспособлены к работе в условиях Сибири. Работница подмосковного совхоза «Звенигородский» Л. А. Сысоева очень образно сказала о ненадежных, чаще всего простаивающих транспортерах на фермах: нажмешь кнопку — спина взмокнет.

Под всесторонний огонь критики были взяты на съезде бесхозяйственность и расточительство. В самом деле, разве это по-хозяйски — везти на Дальний Восток уголь и не развивать местную угольную промышленность, хотя привозной уголь обходится вдвое дороже? И разве разумно выращивать урожай, а потом значительную часть его губить? Ведь только в колхозах и совхозах Молдавии сейчас практически пропадает около 200 тысяч тонн овощей из-за того только, что их не перерабатывают.

Устами одного из делегатов было сказано: «Критику мы развиваем и поддерживаем. Она остро звучит и на нашем съезде». И в самом деле, острое ее звучание радовало. Да, ускорение темпов развития народного хозяйства и роста народного благосостояния зависит от нашей энергии, умения и от нашей непримиримости к недостаткам. Это хотелось особенно крепко запомнить.

Я выходил из Кремля, смешавшись с толпой делегатов, и у Троицких ворот догнал знакомого агронома.

— Ну как ноги? — спросил я. — Не болят?

Агроном, очевидно, уже забыл о своей жалобе.

— Ноги? А от чего бы им болеть?

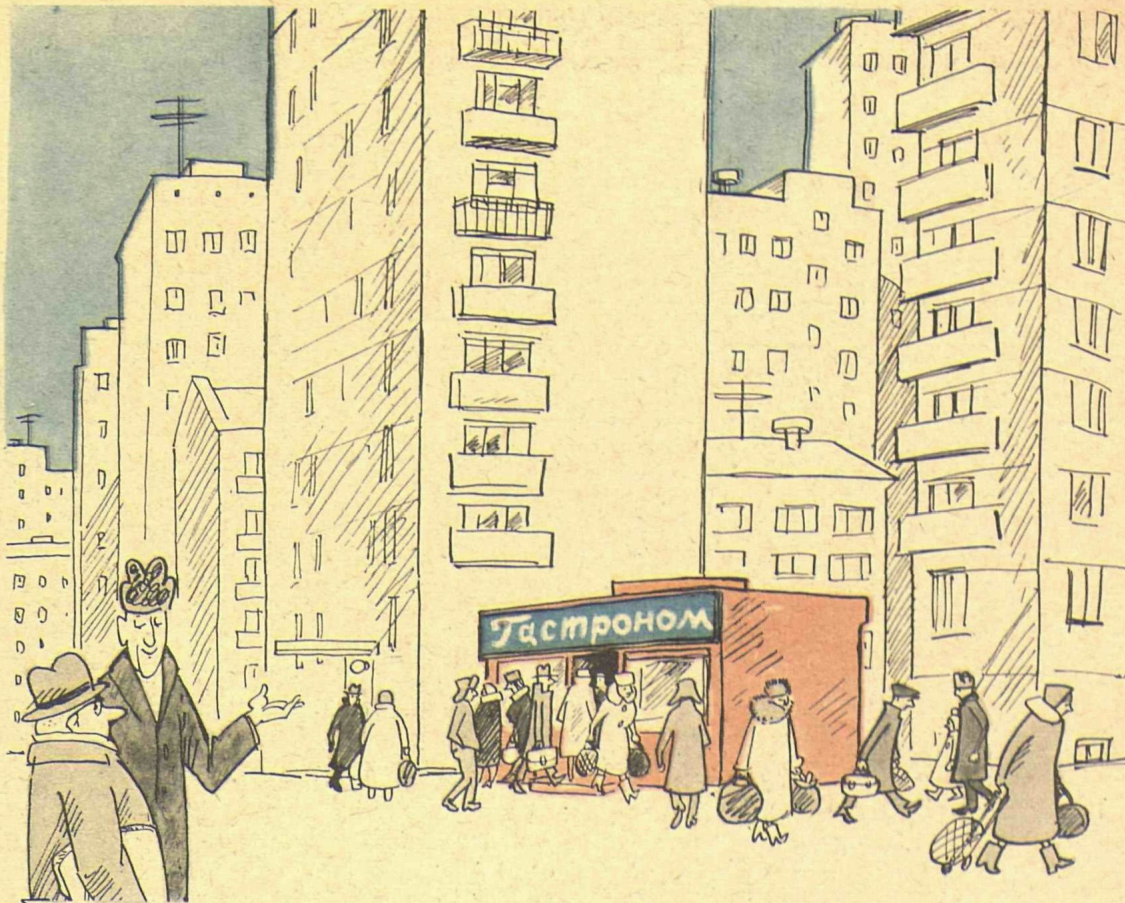
И потом деловито добавил:

— Через два часа мой самолет. Не опоздать бы.

Он спешил домой, ему не терпелось увидеть родные поля. Хлопчатник посеяли совсем недавно, но зеленые ростки его уже выглянули наружу и жадно тянулись к яркому и щедрому солнцу...

М. СЕМЕНОВ

Март — апрель.

— Магазин-то уж очень мал.

— В самый раз! Ведь у нас — микрорайон!

Рисунок М. СОКОЛОВА

— Не отпущу я тебя! Стиральная машина у меня есть, квартира есть, холодильник есть, а вот со свежей рыбой туго.

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

ИЛЬИЧ СМЕЕТСЯ

«Никогда я не встречал человека, который умел бы так заразительно смеяться, как смеялся Владимир Ильич,— писал М. Горький.— Было даже странно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видит, глубоко чувствует неизбежность великих социальных трагедий, непримиримый, непоколебимый в своей ненависти к миру капитализма, может смеяться по-детски, до слез, захлебываясь смехом. Большое, крепкое душевное здоровье нужно было иметь, чтобы так смеяться».

Можно было бы привести много подобных свидетельств. В произведениях Ленина, особенно в тех, где он выступает как полемист, можно найти образцы убийственного сарказма, разящего смеха, образцы шуток, превращающейся в острое оружие. Но автор публикуемых здесь рассказов ограничился только жизненными ситуациями, которые вызвали у Ленина смех или давали ему повод для шуток. Оба сюжета подсказаны действительными случаями, описанными Н. К. Крупской и секретарем Ленина Л. А. Фотиевой в их воспоминаниях.

Итак, Ильич смеется...

ДОКЛАДЧИК НОМЕР ДВАДЦАТЬ

УРОК АНГЛИЙСКОГО

В апреле 1902 года Владимир Ильич Ленин с Надеждой Константиновной Крупской переехали из Мюнхена в Лондон. И тут выяснилось, что они... почти ни слова не понимают по-английски, хотя до сих пор оба считали, будто основательно знают этот язык.

— Что такое? — удивлялся Владимир Ильич. — Ведь мы с тобой в Шушенском, помнишь, перевели с английского претолстенную книгу Веббов. А теперь, оказывается, ни нас никто не понимает, ни мы никого не понимаем.

Первое время их постоянным спутником по Лондону был один русский товарищ, Николай Алексеев, давно живший в Англии и превосходно изучивший язык. Но как-то Владимир Ильич сказал Надежде Константиновне:

— Нет, это никуда не годится! Так мы никогда не научимся. Языку следует учиться так же, как плаванью: надо смело бросаться в воду. И однажды они отправились в Гайд-парк.

В этом парке, как известно, любой человек в любое время может выступить с любой речью, проповедавая все, что ему вздумается. Лишь бы нашлись слушатели. Вот перед одним из таких ораторов и остановились Ленин с Крупской. Это был довольно благообразный человек, одетый в несколько странную форму, смахивавшую на военную. Стоя на стуле, он то и дело воздевал руки, закатывал глаза и о чем-то быстро и страстно говорил. Кажется, он говорил о боге. Впрочем, для Ленина и Крупской это не имело никакого значения, они просто вслушивались в звуки английской речи.

Это был как бы урок языка. И главное, бесплатный, что в их положении, положении профессиональных революционеров, располагавших весьма скромными средствами, имело немаловажное значение.

Пришли они в Гайд-парк и на следующий день. Потом ходили еще много раз, слушали самых разнообразных ораторов. Но чаще всего ос-

танавливались возле того, которого услышали в первый раз, заметив, что говорит он значительно дольше других. Постепенно они стали понимать его речь все лучше и лучше. В конце концов проповедник заметил столь прилежных слушателей и стал приветливо с ними раскланиваться. Разумеется, Ленин и Крупская вежливо отвечали на его поклоны.

Однажды проповедник, обратившись к небольшому кружку случайных слушателей, воскликнул:

— О мои братья и сестры во Христе! Взгляните на эту леди и на этого джентльмена. Каждый вечер они приходят слушать мою проповедь. Вначале — я это заметил — они плохо понимали меня, а ныне мое слово нашло дорогу к их душам, и стали они истинно верующими. Следуйте их примеру, придите в лоно церкви, вступайте в Армию спасения и спасетесь сами!

Владимир Ильич посмотрел на Надежду Константиновну, Надежда Константиновна посмотрела на Владимира Ильича. И оба заулыбались. Вот так штука: их приняли за новообращенных и еще, чего доброго, завербуют в Армию спасения. Неуместный смех возмущил офицера Армии спасения.

— Сэр! — воскликнул он. — Что смешного нашли вы в моей проповеди? Разве не прав я? Разве не дошло до вас мое слово?

— Дошло, дошло! — ответил Владимир Ильич. — Раньше не доходило, а теперь дошло. — И он расхохотался.

— Володя! — Надежда Константиновна дернула мужа за рукав. — Перестань, неудобно же.

Но Владимир Ильич захохотал еще сильнее: уж очень смешной казалась ему ситуация. Ведь как будто прав проповедник: раньше не доходило? — не доходило, а теперь дошло? — дошло. И Ленин снова залился своим чудесным смехом.

Проповедник побагровел.

— Зачем же вы приходите сюда каждый день?

— Мы русские эмигранты и плохо знаем язык. Мы приходим в Гайд-парк и слушаем ораторов, чтобы скорее научиться английскому.

— Но почему в таком случае вы слушаете только меня?

— Очень просто: вы говорите... дольше других.

Услышав такой ответ, захохотали и все случайные слушатели. Проповедник открыл рот, но не произнес ни звука: он просто не знал, что сказать. Соскочив со складного стула и зажав его под мышкой, он поспешно удалился.

Снова все захохотали, и звонче всех Владимир Ильич.

— Урок окончен, — сказал он.

Шло заседание Совнаркома. За длинным столом сидели народные комиссары, перед каждым блокнот или стопка листков с краткими тезисами выступления. Во главе стола, на председательском месте, Владимир Ильич. Перед ним тоже блокнот, а рядом часы на ремешке: председатель Совнаркома, не терпевший суесловия, дороживший каждой минутой времени, строго следил за регламентом: докладчику — десять минут, оратору — пять, выступление к порядку дня — одна минута. Случалось, что кто-нибудь из присутствующих брал слово «к порядку», чтобы выгадать лишнюю минуту для собственного выступления. В таких случаях председатель, лукаво улыбаясь, останавливал выступавшего:

— Это, батенька, не к порядку, а скорее, к беспорядку.

Не любил он болтовни не только устной, но и письменной, которую деликатно называл «беллетристикой». «Пишите кратко, телеграфным стилем, выделяя особые предложения, если надо. Длинного я вовсе не прочту, наверное».

Бумаги Владимир Ильич начинал читать с конца, опуская «беллестрику». И если убеждался, что в бумаге есть что-то дельное, тогда уже прочитывал все.

Обычно в комнате рядом с залом заседаний Совнаркома сидели люди, ожидавшие обсуждения какого-нибудь вопроса. Собственно говоря, сидели они на всякий случай: а вдруг наркому понадобится справка, а вдруг вместо наркома придется сделать доклад?

Долгое время Владимир Ильич ничего об этом не знал: в зал заседаний он проходил прямо из своего кабинета.

Но однажды, когда на вечернем заседании обсуждался очередной вопрос и Владимир Ильич спросил, кто докладчик, ему ответили: ожидает в соседней комнате. Владимир Ильич распорядился пригласить его.

— Прошу, — сказал вошедшему председатель. — Регламент — десять минут.

Но тут открылась дверь, и вошел еще один человек.

— А вы? — спросил председатель.

— Докладчик, — последовал ответ.

— Ага, по-видимому, содокладчик. Прошу.

Вслед за вторым вошел третий человек.

— А вы?... Брови председателя поползли на лоб.

— Докладчик.

— Гм... Вопрос обещает быть серьезным.

Тут в зал заседаний вошел четвертый.

— Докладчик? — На лице председателя удивление сменилось лукавой усмешкой.

— Докладчик.

Вошел пятый.

— Вы, наверное, докладчик?

— Докладчик.

В зале послышался смехок.

Когда в дверях появился шестой, он был уже встречен радостным оживлением и вопросом:

— Докладчик?

Седьмой встретил общий смех. Восьмой вошел под откровенный хохот.

Девятого уже встретили хором: «Докладчик?» — и, услышав в ответ покорное: «Докладчик», — изнемогли от смеха.

Увидев входящих десятого, одиннадцатого, двенадцатого докладчиков, Владимир Ильич только махал руками: от смеха он не мог уже говорить, из глаз его катились слезы. Хохотали и все присутствующие.

Однако на этом дело не кончилось. В зал один за другим гуськом входили тринадцатый, четырнадцатый, пятнадцатый, шестнадцатый докладчики. Последним был двадцатый. Каждый из них сохранял на лице самое серьезное выражение, наиболее соответствующее такому важному моменту, как доклад на заседании Совнаркома. Впрочем, серьезное выражение тотчас сменялось при виде хохочущих наркомов растерянностью, а вслед за растерянностью появлялась бледная, неуверенная улыбка, и эта смена выражений вызывала новые приступы хохота, ставшего уже просто гомерическим. Больше всех смеялся сам председатель. Он то закидывал голову и смеялся залиvisto, весело, то откидывался на стуле в полном изнеможении, то вынимал платок и вытирал слезы.

— Два... двадцать докладчиков по... одному вопросу. Не... неслыханно!

...На том же заседании по настоянию Владимира Ильича было принято постановление, ограничивающее число докладчиков по каждому вопросу одним-двумя. Более того, Владимир Ильич упразднил «ожидальню» и распорядился приглашать докладчиков только к определенному часу и не раньше чем за пятнадцать минут до рассмотрения вопроса. А если по ходу дела выяснится, что рассмотрение задержится, обязательно предупредить очередного докладчика по телефону.

Председатель Совнаркома был не прочь посмеяться, но не мог допустить, чтобы даром терялось драгоценное время.

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

Агрессор
действует,
мудрит
Во весь размах своей натуры.
В итоге
Выведен гибрид
Новейшей
госархитектуры!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

ТЕЛЕФОН

— Хватит на троих?

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА
и М. СКОБЕЛЕВА

Телефон звенел на работе. Весь день он был занят. Как и всякий механизм, он трудился не за страх, а за совесть...

Судя по всему, главное заключалось в коробке. Именно оттуда раздавался звонок. Стоило ему прозвучать — все приходило в движение. Трубка соскакивала с рычага, рычаг немедленно поднимался, шнур вытягивался, мембрана начинала мелко вибрировать.

Во время разговора трубка плотно прижималась к уху, а мембрана впадала прямо-таки в экзальтацию: старалась как можно лучше передать все оттенки звуков и интонаций. А как гибок и тонок был телефонный шнур! Как он умел извиваться и скручиваться в кольца и петли, всем своим видом выражать готовность действовать — быть полезным!

Телефон не знал усталости. Его рвение ставили в пример. А это наполняло телефон гордостью и возвышало в собственных глазах. Все было бы хорошо, если бы однажды какой-то пылесос не стал укорять его:

— Не заносись, старина. Я видел твоего брата и повыше. С кнопками, светосигналами, белого цвета... Но он куда как скромнее.

— Ах, мелкий завистник! — с апломбом отозвался телефон. — Ты просто забыл, что твое место в кладовой...

— Дело не в том, где твое место, а в том, что делаешь, — возразил пылесос, — и как ведешь себя. Ты хоть и на видном месте, но все же передаешь только чужие слова. Хорошо, если не болтовню и суесловие.

Телефон от досады почернел еще больше и не стал унижаться до спора с прибором, выполняющим грязную работу. Он решил доказать свою самостоятельность и перестал отвечать на звонки. Вообще отказался действовать. «Пусть попробуют обойтись без меня», — гордо думал он. Но стоило ему умолкнуть, как пришел техник и заменил его другим аппаратом. Тот был исполнительен, безотказен и безупречен во всех отношениях.

Виктор ДРАГУНСКИЙ

на ДЕЖУРСТВЕ

РАССКАЗ

Начальник охраны подмосковного санатория Иван Фомич Булыгин сидит на дежурстве в своей жарко натопленной комнатке. Тяжелая, застывшая тоска терзает его сердце. Наиболее острые приступы этой тоски начинаются где-то в глубинах его естества, урчат в желудке, поднимаются скребущей кислотой по пищеводу и ненадолго разрешаются длительной басовой отрыжкой. Душевные муки Булыгина ослабевают на некоторое время, чтобы спустя минуту возобновиться с новой ужасающей силой. Атмосфера в раскаленной комнатке сгущается. Воздух становится сизым, и возле раскрытой конфорки дрожит небольшое знойное маревце. Иван Фомич достает из ящика стола пузырек фиолетовых чернил, ручку и лист бумаги. За окном шелестит ноябрьский дождь. До конца дежурства еще целая ночь, и ржавое перо Булыгина скрипит по бумаге, как голодная сердитая мышь.

«Товарищ председатель райисполкома Широков К. В. I — жалобно искривив толстые губы, пи-

шет Булыгин. — Я обращаюсь к вам с заявлением на недавно вернувшегося из армии демобилизованного солдата Белокурова С. И. и прошу рассмотреть вопрос о его, Белокурова, бытовом разложении.

Вышеуказанный Белокуров, как мне стало известно, имеет сожительство с моей женой с февраля месяца сего года, которая имеет возраст, уже близко переходящий на четвертый десяток, и, кроме того, она имеет оформленного мужа более семи лет, то есть меня.

Я прошу райисполком принять меры и сохранить семейный разлад и еще более нежелательные последствия и переселить демобилизованного солдата Белокурова С. И. за пределы Московской области, то есть создать неблагоприятные условия для его встреч с моей женой и тем самым сбросить ее для дома, для семьи. Ведь этот самый демобилизованный Белокуров недобросовестно влюбил мою жену, которая работает в Пучкове продавцом в палатке...

— И что она в нем нашла, в молокососе этом

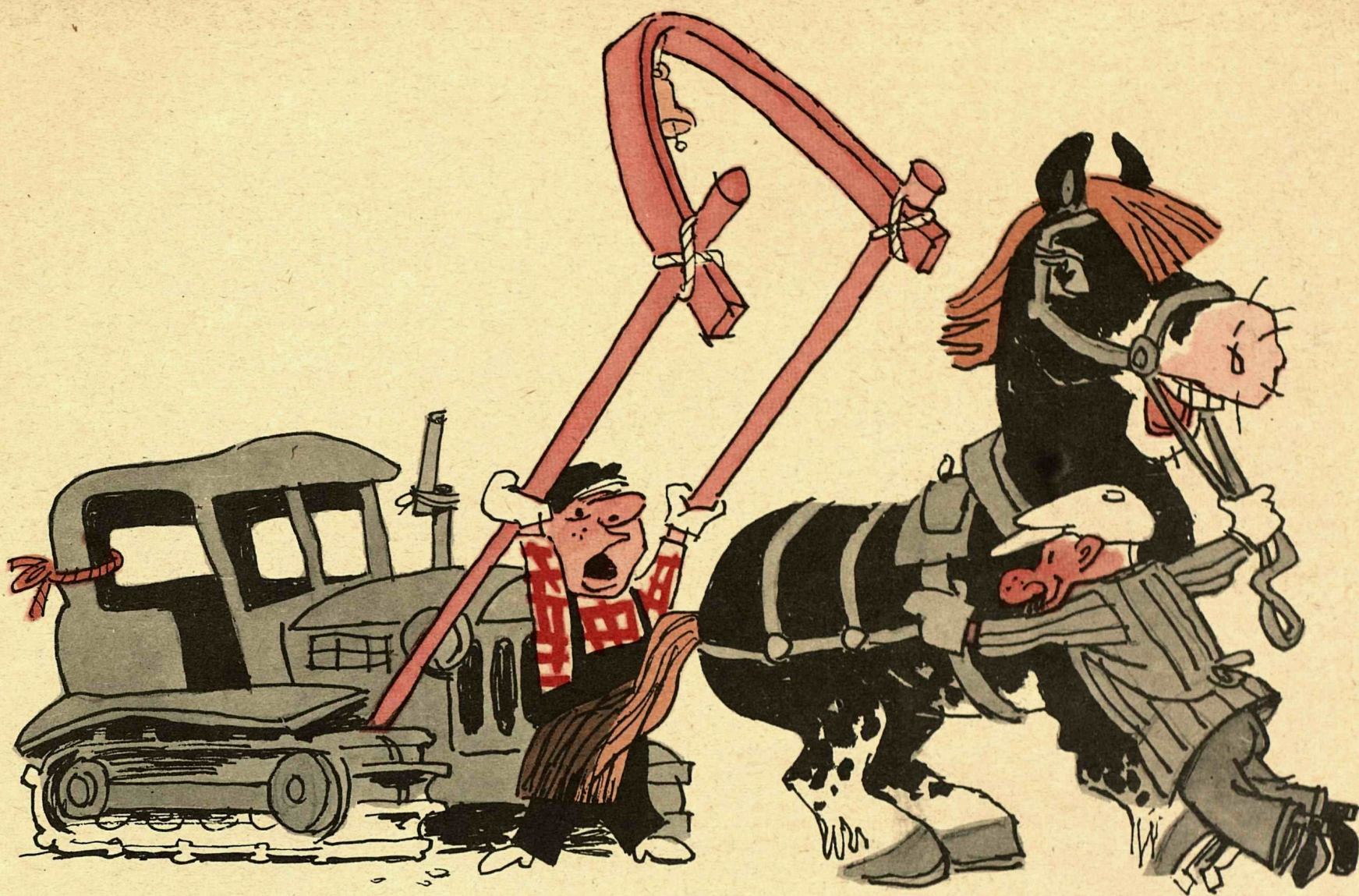
конопатом? — уныло думает Булыгин и продолжает:

«...Обращаю ваше внимание, что демобилизованный солдат имеет возраст двадцать пять лет, он раньше учился по механической части, и моя жена является ему матерью, поскольку семнадцатого декабря ей стукнет полная тридцатка, о чем и сообщая в райисполком».

Булыгин откидывается на спинку стула, прерывисто вздыхает и чешет затекшую от напряжения правую руку. Он думает о черной людской неблагодарности и вспоминает свою жену, вспоминает, какой робкой и безответной она была тогда, восемь лет назад, когда он, жалея ее бедность, взял к себе в дом, чтобы она обстирывала его, прибирала и ходила за ним, в ту пору еще крепким, кряжистым пятидесятипятилетним вдовцом. Взял к себе в сытый дом и вот не устоял, дурак. Прилез к ней однажды ночью, и она покорилась ему равнодушно, а он дрогнул духом, раскис, потерял голову и оформил все законным браком, через загс, а теперь вот что получилось, опростоволосился, беда свалилась на голову... Ведь это хуже грабежа!

И он снова склоняется к столу.

«...В последнее время демобилизованный солдат Белокуров С. И. перешел на почву личной мести. Он ходит по поселку и грозит, что его дружки-приятели меня вскорости убьют и кости мои разбросают где попало. Он меня оскорбляет старым хрычом, что я жизнь молодую заедаю, и еще обзывает спекулянтом, что продаю яйца от своих кровных курей. Он корит меня и допекает,

— Заводи!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

и люди смеются надо мной, и он настраивает жену против меня.

Он довел ее до сумасшествия своей любовью, и хотя она расцвела, как майская роза, а дома бьет все подряд, что ни попадя, ни на что не смотрит, разбила всю посуду, сервиз чайный за восемь рублей сорок копеек и тарелок рубля на два, учитывая амортизацию. Она разбила также стекла на терраске, так что как бы она и мне голову не пробила какой-нибудь кастрюлей. А еще она злостно разорвала при стирке мою одежду, рубашку у ворота и брюки.

Совсем недавно она опустилась до того, что продала всех моих курей в Пучково, Центральная улица, один, Ковалевой Тамаре Петровне. Она это сделала, не сомневаясь, чтобы покрыть недостачу в палатке, недостачу, которая, наверное, есть, не может быть, чтобы не было, и, наверное, эта недостача расходуется вся без остатка на своего сожителя, демобилизованного Белокурова. Потому что мне стало известно, что моя жена снабжает его папиросами «Беломор» и поит его водкой. А даровое вино, оно, сами знаете, питкое, и где же, наконец, ревизионная комиссия, когда уж она нагрянет? Потому что моя жена набивает Белокурову полны карманы всякой закуски, квашеной капустой и мармеладом и тем удовлетворяет свои животные потребности!

Еще того чище: недавно моя жена передала демобилизованному Белокурову мой велосипед под видом, что нуждается в ремонте, а на самом деле, чтобы ускорить его движение к месту ихней встречи.

Все это указывает о том, как равнодушно относится райисполком к вопросу о счастье в советской семье и вопросу о коммунистической морали.

Мои выводы: картина ясна.

Вот она.

Демобилизованный солдат Белокуров С. И. вступил с моей женой Булыгиной Тоней в беспорядочную нелегальную связь. Она началась у них в феврале сего года и особенно обострилась к маю. Как я уже доказал, он сделал это с определенной целью: чтобы обеспечить себя горячими напитками и папиросами «Беломор», то есть создать для себя необходимые бытовые условия и материальную заинтересованность.

...Булыгин еще ниже сгибается над бумагой. Сердце его бьется, в висках стучит. Гнев, ревность, досада, унижение и ненависть к обидчику понуждают его искать слова, перебирать их в уме, отбирать наиболее разящие, вконец испепеляющие врага. Ему хочется убить наглого пришельца, четвертовать его, сжечь. Хочется отомстить смертно за поругание тому, кто пытается отторгнуть от него, Булыгина, его собственность, его живую законную собственность. Ах, что ему сервизы, куры и хозяйство! Пропади оно пропадом! Только ее, ее не троньте, не отымайте!

Он перечитывает написанное.

— Жидковато! — шепчет он, и задыхается, и обводит толстые пересохшие губы толстым пересохшим языком. — Надо так написать, чтобы власти за голову взялись и чтоб его судом судили, подлеца, чтобы в тюрьму его закатали!

И он вновь заносит над измаранной бумагой свое беспощадное перо:

«Демобилизованный солдат Белокуров С. И. — это порхающий подлец, которого нельзя оставить без внимания. У него узкие потребности на женщину. И меня берет за душу, что этот антиморальный человек пользуется всеми благами социалистического общества. Но и этого всего ему мало. Он хочет во что бы то ни стало подорвать мою семью изнутри и забрать мою жену, чтобы нарушать вместе с нею нашу половую мораль, не встречая должного отпора со стороны дружинников и тем более райисполкома!

Уважаемый товарищ Широков Константин Васильевич, председатель райисполкома! Как прочтаете это заявление, так сейчас осейфуйте его понадежнее от сторонних глаз. И немедленно примите железные меры, срочно известив меня о принятии таковых».

Он подписывает документ и с уважительной надеждой запечатывает его. В комнатухе пахнет угарным газом. Стало еще жарче. Болит голова. Булыгину хочется выйти на воздух, но он не решает оставить свой кабинет. Скрипя сапогами, пробирается он к окну. Где сейчас его Тоня? Где она? Где?

Непроглядная ночь стоит на дворе, и ноябрьский злой дождь косо брызжет множеством капель в наружную сторону стекол. Маленькие эти капли ищут одна другую, находят, сливаются в более крупные, весомые и медленно и криво бегут вниз по стеклу, словно стариковские холодные слезы.

ЭЦПАТИ

СПОРТИВНЫ

КУБОК КРОКОДИЛА

До сих пор ледяное остроумие не пользовалось популярностью. Точно так же, как ледяное молчание и ледяная вежливость. Тем не менее редколлегия «Крокодила» учредила за такое остроумие специальный приз — кубок. Правда, соревноваться в ледяном остроумии должны были сообразители некоторых специальных условий, а именно: находясь на льду, молчать и держать в руках отнюдь не ручку или карандаш, а полновесную хоккейную клюшку.

Кубок за остроумие на льду был разыгран среди команд, участвовавших во вторых Всесоюзных соревнованиях юных хоккеистов на приз клуба «Золотая шайба». В состязаниях лучших дворовых команд стрелы приняли участие около трех миллионов мальчишек в возрасте от 12 до 14 лет. По единодушному мнению судей, командой, показавшей самые остроумные комбинации в игре, оказалась команда «Гайдар» из Перми. Ей и был вручен кубок «Крокодила».

Участь кубка решилась в игре «Гайдар» со свердловской командой «Луна-9», когда нападающий Коля Шонин, блестяще проведя шайбу за воротами противника, ловко передатил ее на «пятачок» своему другу Саше Косолапову, и тот «одним касанием» положил ее в ворота. Судьи в один голос утверждали, что Коля в эти минуты очень напоминал легендарного Всеволода Боброва, отпущав-

шего в свое время на льду таинственно так, хотя между учеником 7-го класса «А» и знаменитым бомбардиром все же есть кое-какая разница. Главным образом — в росте. Думается, что с годами это пройдет.

С удовольствием представляем самых остроумных хоккеистов клуба «Золотая шайба» — команду, названную в честь замечательного человека, который всю свою жизнь дружил с юмором, — писателя-героя Аркадия Гайдара. Это ученики 125-й пермской школы Коля Паздников, Валерик Шалыгин, Коля Шонин, Валерик Спиртус, Саша Косолапов, Юра Гордиенко, Коля Бебякин, Юра Соболев, Валерик Каргапольцев, Миша Дермев, Саша Лебедев, Володя Безматерных. Тренер команды — Шонин В. В., представитель команды — Галайдинов Р. Успехов вам, дорогие хоккеисты-кровокольцы!

А. ХОДАНОВ
Фото В. Ностылева

СЕРЕЖКА ЗАЩИЩАЕТ ЧЕСТЬ

В работе Сережка умерен. Нередко, сбежав от станка, Подолгу в рабочее время Торчит у пивного ларька.

Брак гонит Сережка отменно, Он мастера не признает... И, только кончается смена, К директору мастер идет.

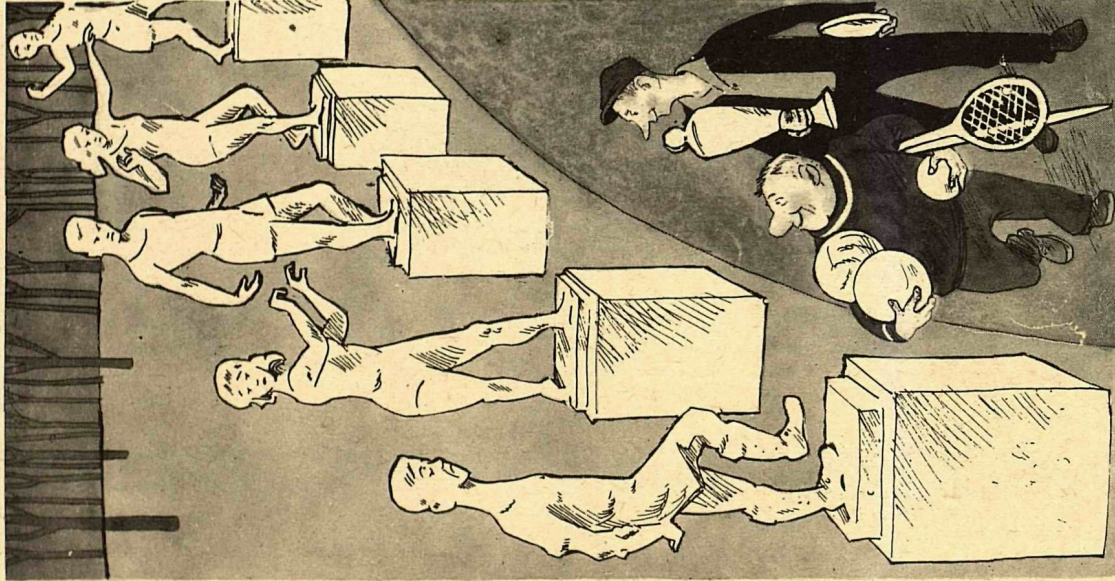
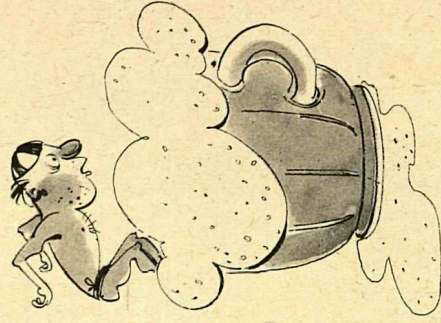
Мол, больше терпеть я не буду, На честь, мол, завода плюет! И слышит:

«Ну что вы! Повсюду Он сам защищает ее».

И мастер, бедняга, не имеет И жалобам сам уж не рад. Что делать! —

Сережка имеет По плаванию первый разряд.

Р. КИРЕЕВ

— Не унывайте! После соревнований все вам вернем!

Рисунок М. Соколова

Л Е Т А Ю Щ И Е М Е Ш О Ч Н И К И

Взявшись за руки, стояли мы у подножия Московского трамплина, самого большого в стране трамплина с искусственным покрытием.

— Нас назовут летающими лыжниками, — твердили мы друг другу. — Мы будем уноситься на лыжах в синее олимпийское небо. Будем завоевывать в спортивных боях всевозможную стеклянную тару...

Толкнули отсыревшую дверь. По капризу архитектора в коридоре не оказалось окон, по капризу дирекции — лампочек.

— Ах! — неуверенно позвали мы.

— Чего надо?

— Тетя тренер, — выгнув в темноте руки, мы пошли на голос, — где здесь записывают начинающих?

— Мне восьмой десяток вдарило, — обиделась Аграфена Павловна, — а вы меня тренером ни за что обзываете.

— А кто же вы?

— Это смотря с какой стороны. Здежнему бухгалтеру я, к примеру, довожусь мамашей, завхозу — бабушкой, а самому трамплину — гардеробщицей.

— Тогда, пожалуйста, возьмите наши куртки.

— Как же я возьму, ежели тут гардероба и нет вообще? — Аграфена Павловна понзила голос: — Только велит приезжать два раза в месяц, в каких-то ведомостях расписываться.

Перебирая по стене руками, мы обошли внутренние помещения. Знакомиться с ними пришлось по слепой системе Брайля — на ощупь.

Каждое спортивное общество снимало здесь в аренду по каморке — размером чуть побольше телефонной будки, но поменьше табачного киоска.

В таких кельях с трудом расположились бы два изуродованных скиминка. А набивалось сюда по два десятка здоровяков висте со своими лыжами и ботинками.

Чтобы в другой раз не заблудиться, мы постарались запомнить: у «Динамо» каморка самая тесная, у «Труда» самая душная, а «Буревестник» отыскать и совсем просто: у него самая большая лужа на полу.

Где-то в самом конце коридора путь нам преградила каменная грудь старого инструктора-методиста.

— Новенькие? — сурово спросил Юрий Михайлович Зотов. — А мешки где?

— Какие мешки?

— В чем снег носить. У нас самообслуживание: каждый приходит со своим снегом. А впрочем, — добавил он, поразмыслив, — на первый случай выдадим вам казенный инвентарь.

Мы радостно побросали свою одежду в живописную кучу, громоздившуюся на полу, схватили по объемисто-

«Правой! Правой! Правой!»

му рогожному мешку и пристроились в нем. Нище-носильщиков, взбравшихся шаг за шагом по склону трамплина.

— Подъемник! Вижу подъемник! — вдруг воскликнул кто-то голосом Колумба.

Окружающие мешочки засмеялись каким-то недоброкачественным смехом.

Оказалось, что подъемник видят все. И мудрено его не заметить, если он уже четыре года валяется, разложенный на простые множители, ржавеет зимой и пылит-ся летом.

Пот катил с нас градом, когда мы вскарабкались на-конец на вершину трамплина.

— Ну что, п-принесли снег? — нетвердым голосом ос-ведомился какой-то явный нарушитель спортивного ре-жима.

— Принесли.

— Теперь п-прыгайте вниз.

Мы с тоской заглянули в 70-метровую пропасть.

— А лыжи?

— П-прыгайте пока так. Освойтесь — лыжи выдадим. Мы принялись мягко, но настойчиво подталкивать друг друга. Но повернувшийся к стати юный мешочник не дал свершиться беде.

— Лопухи, — сказал он, — кого вы слушаете? Это же брат Юрия Михайловича Зотова. Он только оформлен инструктором, а сам не способен отличить трамплин от трамвая.

...Минувала зима. С фехтовальным звоном сыпались на землю первые весенние сосульки, когда мы пришли к директору Большого трамплина тов. Корягину. Пришли жаловаться.

— Владислав Александрович! — сказали мы. — Нелад-но получается. Ворочать мешки со снегом мы выучились. В раздевалках за свои куртки деремся не хуже других. А вот с прыжками дело плохо. Хоть и получают у вас зарплату целых 24 наличных да еще 16 липовых работ-ников, а трамплин толком подготовить некому.

— Не падайте духом, — ответил директор. — Наш трамплин покрыт полиэтиленовой щеткой, он круглый год работает. Летом его подготавливать — плевое дело. Ока-тишь водой — и прыгай на здоровье.

Ну тут мы, естественно, возликовали. Теперь мешки можно оставлять дома. Будем приходить со своими ведрами.

Б. БОРИСОВ,
Ф. НЕЗНАНСКИЙ

Вне игры

— Проходи, проходи, проходи... А вы куда?

— Как куда? На тре-нировку.

— Осади назад!

— Мы будем жаловать-ся!

И молодые спортсме-ны елецкого завода «Про-жекторные угли» в кото-рый раз атакуют завоком. — Эное безобрази! — привычно выхлест из се-бя председатель завод-ского комитета тов. Гла-дышев. — Опять этот Ка-дунин на собственный ста-дион ребят не пускает! А подать мне его сюда! Директора заводского стадиона «Труд» подает председателю завокома.

— Ты на меня не обижайся, товарищ Ка-дунин, — ласково говорит председатель, прикрывая дверь, — только я тебе

еще один выговор вле-пить должен. Но, учти, установка остается преж-ней: чтоб никакие легкие и тяжелые атлеты не пу-сывали нашу стройную систему: «Рубль — вз!».

— Будет сделано! — выпаливает Кашин. И все начинается ста-новя. Заводской сыз-дион сдают в аренду под футбольные матчи. Дохо-ды от сборов пополняют заводомовский бюджет. А заводские легкоатлеты и баскетболисты, лыжники и штангисты опять оста-ются в положении «вне игры».

З. АБРАМОВ,
специальный
корреспондент
«Зубастика»

г. Елец,
Липецкой области.

— Нет, Бобриков, не выйдет из вас инженера, — вздохнул преподаватель и протянул Коле зачетку.

— А я учил, — привычно хныкал Коля, оттакаявая зачетку.

— Но не выучил! — отрезал препода-ватель.

Коля понял, что это конец. Кроме ма-тематики, за ним тащились еще два «хвоста», напоминающая о симпатичных предках.

Он сунул зачетку в карман и вышел на улицу.

— Ну что? — подлетел к нему правый край Вась Круглова.

Коля махнул рукой.

— Ага! — понял Вась и сочувственно предложил: — Пошли побуждаем?

— Пошли, — безразлично согласился Коля.

Когда он выскочил на поле, мяч по-пал ему прямо в ноги. Коля повел. Он обошел двух нападающих. Ловким «фин-том» обманул защитника, и мяч весело затрещало в сетке.

Игру начали с центра. И снова мячом овладел Коля. Он рванул вперед с без-

РЕПЛИКИ С МЕСТ

«ПО ПРОГРАММЕ ЗИМНЕЙ СПАРТАКИАДЫ»

К участию в финале спартакиады до-пускаются сборные команды цехов и от-делов...

Виды: хоккей с мячом, волейбол, конь-ки, лыжи, шахматы, настольный теннис, внутрицеховые соревнования, стрельба, сбор членских взносов.

Первая группа выступает по всем ви-дам, вторая — по 7 видам. Из них 4 обя-зательных: лыжи, коньки, внутрицеховые соревнования, сбор взносов...

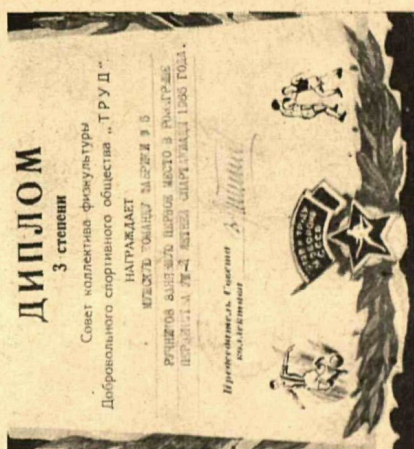
(Из многотиражной газеты «Искра»).

г. Горький.

«ВЕЧЕР СПОРТА

Вечер спорта состоялся в совхозе «Красный Октябрь». Его участники — молодые специалисты и рабочие совхо-за — говорили о спорте — источнике здо-ровья. Лучшие получили премии»

«Челябинский рабочий»

Прислали В. КОРОЛЕВ, А. СУСЛОВ и другие.

г. Асбест.

отглядностью фанатика. Ему ничто не могло помешать. Даже три «хвоста».

Коля яростно бил по кожаному тол-стяку. Бил, как бьют по врагу. Когда Ко-ля забил восьмой гол, судья прервал встречу ввиду явного преимущества Ко-линой команды.

К Коле подлетел тренер.

— Метрели! Хусаинов! — орал он. — Завтра же на тренировку сборной ин-ститута.

Коля и пошел к выходу.

— Почему «тю-тю»? — догнал его тренер.

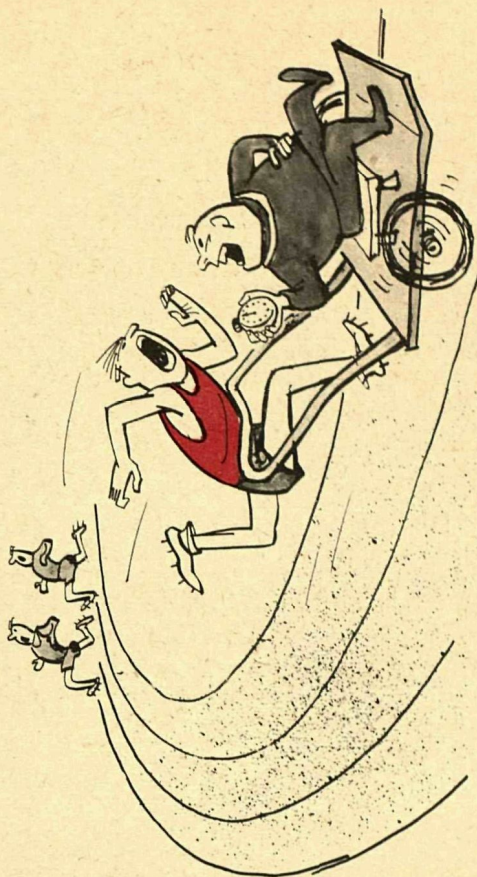
— Математику в третий раз завалил, вот почему!

— Математику? Это которая про «дважды два»? — засмеялся тренер. — Как-нибудь перемножим.

— У меня еще два «хвоста», — мрач-но сказал Коля.

— Отрубим! — коротко бросил тре-нер. — Приходи на тренировку.

...Преподаватель математики, отве-дя глаза в сторону, поставил тройку и не ответил на Колю «до свидания».

Тренер: — Идем хорошо, но дышать надо ровнее...

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Физкультминутки

Из репортажа: «Вместо выпив-шего из игры защитника играет...».

Секция борьбы перешла на само-обслуживание.

Бегать с урока физкультуры еще не значит заниматься спортом.

Чемпионы по ходьбе приходят и уходят, а рекорды остаются.

Прыгуны в длину были явно не на высоте.

С. МАРКОВ

Нападающий обладал сильней-шим ударом: мяч разбивал скамьи, сбивал зрителей, валил с ног фото-репортеров. Единственным местом, где можно было спастись от этого со-крушительного удара, были ворота.

На заседании судейской коллегии было решено, что судьи выйдут на футбольное поле в милиционной форме.

В. НАЦВИН

г. Краснодар.

развод по-американски

В известной итальянской кинокомедии муж подсовывает жене любовника и убивает ее, чтобы сочетаться браком с новой избранницей. Что делать — итальянский закон запрещает развод. Американский закон куда либеральнее: тани билетки в лотерее семейного счастья сколько угодно, пока не вытянешь искомое. И тем не менее при разводе по-американски дело тоже иной раз доходит до убийства. Особенно если семейное счастье покоилось на фундаменте, сложенном из толстых, как кирпичи, пачек долларов.

Когда житель города Майами (Флорида, США) Жак Мосслер пригрозил своей супруге Кэнди разводом, он не думал, что тем самым подписал себе смертный приговор. Расстанова действующих лиц в драме внешне напоминала классический треугольник — дряхлый муж (69 лет), стареющая красавица — жена (46 лет) и молодой (24 года) любовник с бычьей шеей и неандертальской челюстью. Пикантность ситуации состояла, однако, в том, что любовник — Мел Пауэрс — доводился очаровательной Кэнди самым натуральным племянником, а муж — Жак Мосслер — успел скопить за свою долгую, но не слишком безгрешную жизнь несколько десятков миллионов долларов.

На дядюшкины деньги племян отлично веселился с тетушкой. И вот вместо того, чтобы порадоваться от души счастьем своих близких, отсталый, консервативный старик начал что-то брюзжать о разводе и, следовательно, о лишении Кэнди наследства в случае его, Мосслера, кончины. Тетя Кэнди и племянник Мел сообразили: в таком случае нужно помочь злому, нехорошему старику отдать концы прежде, чем он разведется с Кэнди. Что и было сделано.

В июне 1964 года, в час ночи, Кэнди Мосслер почувствовала острую потребность опустить в почтовый ящик письмецо. Так бывает иногда — вдруг ужасно захочется ночью затеять с кем-нибудь переписку. Разбудив детей — согласитесь, что ночную поездку к почтовому ящику лучше всего совершить в обществе заспанных детей, — Кэнди выехала из дому. По дороге у нее разболелась голова, и она завернула в госпиталь. В американских медицинских учреждениях работают в высшей степени тактичные и гуманные люди. Когда в два часа ночи к ним приезжает за таблеткой анальгина жена рядового миллионера, ее окружают максимальным вниманием. Покуда люди в белых халатах вели напряженную борьбу с приступом мигрени у Кэнди, какой-то мужчина несколько раз звонил ей в госпиталь.

Читатель, конечно, догадывается, что машина, в которой Кэнди Мосслер в час ночи покинула мужни дом, была не единственным принадлежавшим

ей средством передвижения. Еще ей принадлежала, в частности, белая открытая машина, каковую она часто давала шалунишке-племяннику Мелу Пауэрсу. Так вот, едва тетя Кэнди отправилась с детьми и письмом на ночную прогулку, к воротам подкатил в белой машине Мел Пауэрс и торопливо вошел в дом. Затем соседи услышали вопли старого Мосслера: «Не надо! О, умоляю, не надо!» Через некоторое время усталый, но довольный шалун-племянник пружинящей походкой вышел из особняка, прыгнул в белую машину и отбыл на аэродром. Там он бросил машину и улетел в Техас.

Между тем, благополучно справившись с приступом мигрени, тетя Кэнди вернулась домой, где обнаружила остывающий труп дражайшего супруга. Тридцать девять ножевых ран и основательный удар по черепу помогли старому финансисту переселиться в тот мир, где на крахмальных крыльшках порхают непорочные ангелы.

И вот недавно, спустя год и восемь месяцев после убийства, состоялся суд. Безутешную вдову Кэнди Мосслер и ее племянника Мела Пауэрса защищал адвокат Перси Формен. Разрешите поближе познакомиться вас с этим выдающимся джентльменом.

Пойте, фанфары! Гремите, литавры! Честь и хвала борцу за истину, заступнику невинно обвиненных Перси Формену! Вас интересует личный счет его побед и поражений? Извольте — 699 : 1. Из семисот дел, чреватых для обвиняемых смертной казнью, Формен выиграл 699. Такое искусство дорого стоит. А Формен, сын техасского шерифа, любит деньги и с детства умеет их зарабатывать. Гонорар в 200 тысяч долларов для адвоката Формена — простое, будничное дело. Если у клиента не хватает денег, Формен великодушно берет недвижимость. Сейчас он владеет сорока домами. Его супруга бродит по комнатам в шлепанцах, обшитых обручальными кольцами с бриллиантами — подарки благодарных клиентов, вовремя сообразивших, что лучше снять золотое колечко с пальца, чем надеть стальные браслеты на запястья.

Обнюхав бумажник клиента, Формен вдохновляется прямо пропорционально толщине бумажника. Наследство старика Мосслера привело адвоката в неопишное возбуждение, и он провел процесс в самом лучшем стиле.

Формен применил любимейший прием — превратился в прокурора, он принялся гневно клеймить жертву. Распалась, он метал громы и молнии в могилу убиенного миллионера.

— Это был пират! Развратник! Гнусный растлитель! Его ненавидели все, и поделом. Тридцать девять ран! Ха-ха! — сатанински смеялся Формен. — Да я уверен, что триста девяносто, нет, три тысячи девятьсот человек с удовольствием вонзили бы ему ножи в сердце.

Свидетелями обвинения выступали два уголовника. Один из них показал, что миссис Мосслер пообещала ему 7 тысяч долларов за убийство мужа. Другой свидетель сообщил, что Мел посулил ему 10 тысяч за ту же работу. Адвокат Формен не смутился. Он привел в зал жен обоих свидетелей, и те под присягой заявили, что их мужья — ужасные вруны и ни одному их слову нельзя верить.

Оставалась еще одна заковыка, перед которой спасовал бы иной, менее опытный адвокат. Когда Пауэрс после совершения убийства бежал в Техас, он был задержан там полицией и с перепугу выболтал лишнее. Формен доказал, что признание Пауэрса в Техасе не может быть принято судом — мало ли что может наговорить на себя человек, которому полиция не разрешила даже встретиться с адвокатом. К тому же Формен позаботился о надежных свидетелях, которые подтвердили, как на духу, что в час убийства видели Пауэрса в баре.

Суд оправдал племянника и тетю. Тетя получила в наследство двадцать восемь миллионов долларов и страстно обლობызала адвоката Перси Формена. Этот волнующий момент запечатлен на фото. Скромно и мужественно улыбается племянник. Момент вручения Формену заслуженного гонорара на снимке не зафиксирован. Такие прозаические, будничные акты в Америке не фотографируют.

Журнал «Тайм», подробно рассказавший о процессе в Майами, пишет о «гипнотическом таланте» адвоката Перси Формена. Суд действительно был под гипнозом, но не Формена, а денег Мосслера. Гипноз зеленых пачек долларов, или, проще говоря, сами доллары сделали свое дело. Развод по-американски закончился вполне успешно.

М. ВИЛЕНСКИЙ

Тревогой давнюю объять,
Кляня лихое бытие,
Спешат на слет аристократы,
Чтоб обсудить житейное свое.
На самолетах и экспрессах
За сотни миль и сотни лье
В надежде мчатся баронессы,
За ними стайкой шевалье.

Хоть далека была дорога,
Открылся «форум» точно в срок.
Но у докладчика немного
Дрожал от страха голосок:
— Нет прежних почестей
в помине!
Доходов нет! Лишь тлен один.
Сказать по правде, в жилах
стынет
Мой голубой гемоглобин!
Нужны немедленные меры,
Идея ценная нужна!

Мих. РАСКАТОВ

МАНЕВРЫ С МАНЕРАМИ

Недавно в Париже состоялась конференция остатков европейской аристократии. Один из выступавших, некий маркиз де Сент-Пьер, выдвинул план «внедрения аристократического образа мышления среди народов слабообразованных стран».

Здесь все, заметьте, сэры — пэры,
И всем, простите, грош цена!

И сразу сэры стали серы,
На князя оторопь нашла...
Но тут маркизу де Сент-Пьеру
Мыслишка в голову пришла:
— Милорды, падать духом
рано!
К чему гадать: быть или не быть?
Есть слабообразованные страны —

Я предлагаю их развить!
Мы не ткачи, не инженеры,
Нет, наша миссия в другом:
Мы благородные манеры
В такие страны повезем!
Чтоб там любой бедняк

голодный,
Забыв о множестве забот,
Умел изящно, благородно
Салфеткой вытирать свой рот!
Чтоб пели женщины романсы

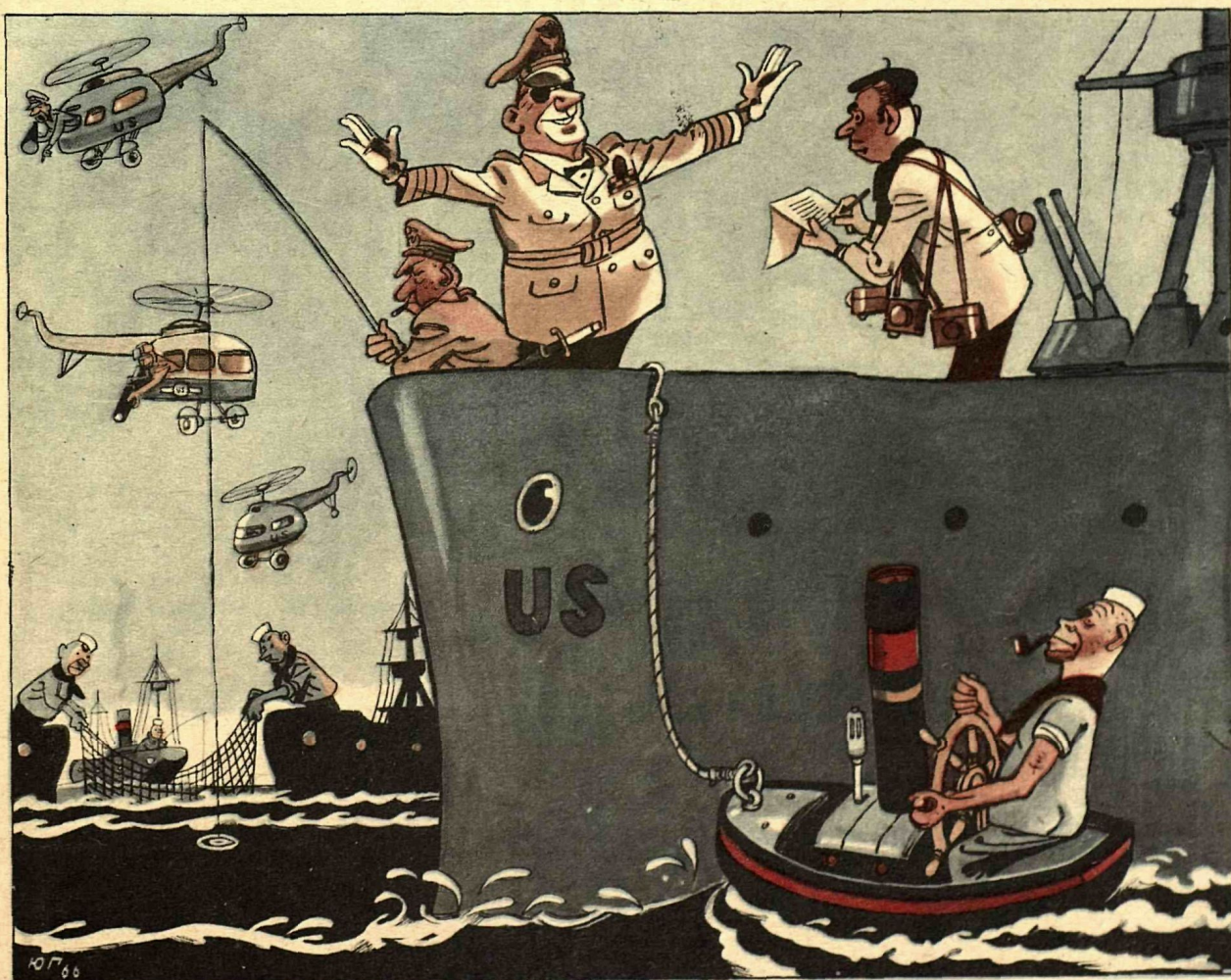
И, в обхождении зная толк,
Умели делать реверансы,
Проса полгорстки риса в долг!
И чтоб, от радости сияя,
В ответ на доброту мою
Дитя, подачку принимая,
Мне прошептало: «Ай лав ю!»
Тогда ни бедность, ни лишения
Не будут более страшны.
Манеры наши — утешенье
Для слабообразованной страны!
«Спасибо» скажут нам бесцельно,
Жизнь станет лучше во сто
крат —
Не будет больше безработным
Наш голубой аристократ!

...Князья баронов лобызали,
Веселье длилось до утра,
Кричали фрейлины «ура»
И в воздух герцогов бросали...

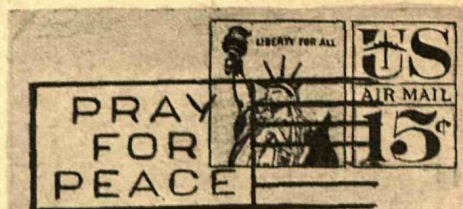
Я Д О В И Т А Я С А Р А Н Ч А В О В Ъ Е Т Н А М Е

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

— Не понимаю, почему испанские рыбаки жалуются на скудные уловы? Мы на днях выловили во-о-о-т такую бомбу!

Рисунок Ю. ГАНЧА

Письмо, упавшее с неба

Господину министру почт
Вашингтон, США.

Сэр!

К вам обращается не кто-нибудь, а господь бог. Как вам известно, я всеведущ. И от меня не укрылось, что ваши почтовые марки украшают голова некоей статуи и девиз, способный позабыть расистов Алабамы: «Свобода для всех». Несмотря на бездну юмора, заключенного в этом девизе, вряд ли он рассмешит американских негров, жителей Доминиканской республики или вьетнамских крестьян. Если последних спросить, каким горючим заправлен светильник в руке статуи, они без колебаний ответят: «Напалмом».

Но сбросить вам на стол с небес это письмо меня побудила не столько надпись на марке, сколько печать, каковой американское министерство почт гасит эти марки. «Молитесь за мир», — гласит печать.

Гром и молния, сэр! Вы, по чьей вине продолжается война во Вьетнаме, вы, ежедневно посылающие самолеты бомбить маленькие деревушки среди рисовых полей, вы советуете людям молиться за мир! Ах, сэр, если бы я давно не изобрел ада, я придумал бы его немедленно, чтобы покарать подобное кощунство!

Отнюдь не требуется моего божественного провидения, сэр, чтобы смекнуть: вы пытаетесь свалить на меня вину за собственные грехи. Дескать, если людям доброй воли еще не дарован мир, то виноват в этом господь, которого нужно растормошить молитвами. Вы пытаетесь, господин министр, отвести от ваших коллег справедливый гнев человечества и переключить его на меня. Ей-мне, это уж чересчур!

Вспомните, господин министр, как ликуют родные вам по духу жрецы золотого тельца, когда на бирже стремительно взлетают акции военных концернов. И вспомните, какие стенания раздаются в финансовых храмах, когда при одном лишь слове «мир» эти акции падают!

И если уж мне пришлось взять в переводчики неверующего француза, я прикажу ему передать вашим глупцам: посылая мне моления о мире, они ошибаются адресом. Мир творят люди, а не боги. На людях лежит обязанность бороться за мир, а следовательно, против вас. И если они будут посылать мне свои молитвы, а вам — своих сыновей, то пусть не рассчитывают на мое благоволение.

Да будет сие известно всем клиентам американской почты.

Господь бог

Перевел с божественного на человеческий
АНДРЭ ВЮРМСЕР.
Франция.

СОБРАНИЕ ДЕФЕКТОВ

Само слово «собрание» вполне солидно. «Собрание сочинений» звучит внушительно. «Собрание дефектов» — куда менее приятно.

Между тем именно так я окрестил приобретенный мною мотоцикл «М-104» производства Минского мотовелозавода.

Правда, в неподвижном состоянии мотоцикл вел себя вполне прилично. Но, будучи заведен, начал урчать, грохотать, скрежетать, реветь, чихать и кашлять.

Затем под этот адский аккомпанемент одна часть за другой стала недвусмысленно требовать замены. По мере сил я это требование теперь и выполняю.

В инструкции, приложенной к заводскому паспорту № БЦ-062659, контролер ОТК, испытавший мотоцикл, перечислил

несколько дефектов, подлежащих устранению на месте. Проставлены и фамилии тех, кто должен был этим заняться, например, Щербинин.

Как вы теперь уже знаете, за тов. Щербинина приходится работать мне самому. Так я на общественных началах стал заместителем неизвестного мне человека.

А. МЯСНИКОВ

г. Новокуйбышевск.

ЗАБОТЯСЬ О ПЬЯНЧУГАХ

На радость выпивохам, пьянчугам и закоренелым алкоголикам, у нас в Туапсе вводится новый порядок оплаты пребывания в городском вытрезвителе. Отныне за услуги этого учреждения должны рассчитываться не сами рыцари зе-

ленного змия, а их малолетние дети. Инициатор нового порядка — бухгалтер школы-интерната № 1 З. Подавалова.

Прихожу к ней за алиментами на одиннадцатилетнюю дочь. Дают мне на 15 рублей меньше, чем полагается.

— Удержала в пользу вытрезвителя, где отдыхал ваш бывший супруг, — объяснила Подавалова. — Нашатырный спирт, освежающий душ, чистая постелька — все это стоит недешево.

— Но при чем тут девочка?

— Так не могла же я оставить ее папу без денег!

Ни споры с бухгалтером, ни жалоба судебному исполнителю не помогли. Меня вывели из бухгалтерии, сказав, чтобы не мешала работать.

По слухам, З. С. Подавалова уже получила от постоянной клиентуры туапсинского вытрезвителя множество теплых приветственных телеграмм.

А. РЫЛЬЦЕВА

г. Туапсе.

ПЕРЕКЛИЧКА ХИМИКОВ

На некоторых предприятиях химической промышленности началась борьба с красными уголками. Возглавил движение начальник цеха гуммирования Краснодарского химзавода Г. Тебякин. Его ищущей мысли и острому перу принадлежит следующее директивное указание:

«1. Категорически запретить работу красного уголка перед началом смены. 2. Охране завода открывать красный уголок с 12.00 и закрывать в 13.00 часов».

Весть о том, что кубанский Тебякин одобряет утреннего чтения газет и ставит возле красного уголка вооруженную стражу, быстро домчалась до Актюбинского химического завода. «Правильно действует! — подумал начальник центрального склада этого комбината Ткаченко. — Да ведь только полумеры не

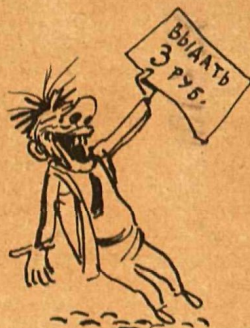
помогут!.. Можно и за час просмотреть газеты или сыграть в шахматы... Мы решимем этого Тебякина!»

Быстренько выбросив из красного уголка литературу, игры и плакаты, Ткаченко втащил туда свой письменный стол, телефон и портфель. Теперь на химзаводе одним служебным кабинетом стало больше.

Интересно, как поведет себя Тебякин, узнав, что актюбинцы его обогнали!

Е. ВАСИЛЬЕВ

НОРМА ОПОХМЕЛКИ

Нужно ли опохмеляться? Научными данными по этому вопросу мы не располагаем. Но опыт предков, начиная с Владимира Равноапостольного, говорит о необходимости после большого пиршества «поправиться» («пить несколько, для поправления болезненного состояния, после перепою» — словарь В. Даля). А какую дозу алкоголя принять, чтобы не поправиться «на другой бок», как говорят в народе? Некоторую ясность в про-

блему опохмеления внес директор Боровской автобазы Кокчетавской области тов. Матросов, как видно, не являющийся дилетантом в данном вопросе. Подчиненный Матросова, рабочий Протасов, жестоко пропившись, обратился к директору со слезным заявлением, в котором были такие строки: «Прошу выдать шесть рублей под аванс на похмелье».

Протасов — человек прямодушный. Он не хитрит, не фальшивит, как иные пьянчужки: прошу, мол, выдать аванс на похороны скорострительно скончавшейся тещи (а теща здорова — дай бог!). Протасов честно указывает, на какую цель нужен аванс.

Откровенность подчиненного понравилась директору, и он уже взялся было за перо, чтобы написать на заявлении «выдать», но вовремя спохватился:

— Шесть рублей? На эти деньги можно купить литр водки. Не много ли будет для опохмелки? Многовато...

Придя к такому заключению, тов. Матросов начертил и соответствующую резолюцию:

«Бухгалтерии. На похмелье хватит и трех рублей. Выдать».

Лучше не напишешь!

А. ОМЕЛИН

г. Алма-Ата.

ЗАЧЕМ РИСКОВАТЬ?

Было это, как нам сообщает читатель В. Коршунов, еще в 1958 году. Однажды руководители Волгоградской ТЭЦ-2 сидели и думали: как бы поднять процент выполнения плана строительных работ!

— Денег нужно ухлопать побольше. Тогда и процент поднимется, — высказался один.

— А не купить ли катер! — предложил другой. — Он и для прогулок пригодится. Приятное с полезным.

— Отставить! — раздался руководящий голос. — Нам не до прогулок. К то-

му же катер за строймеханизм не выдешь, да и стоит он чепуху.

— Может, автомашину новой марки?

— Нет, вы меня послушайте! — вскричал представитель отдела механизации. — Есть на примете здоровенный экскаватор. Продадут по случаю. И цена подходящая: 250 тысяч рублей... Только вот беда: нам он вроде бы ни к чему!

— Это четверть миллиона ни к чему? Очень даже к чему. Немедленно купить! Купили.

И вот в течение нескольких лет могучая машина стояла недвижимо, изображая собой памятник угробленным деньгам.

Но весной 1962 года о ней вспомнили в Нижне-Волжском совнархозе. И ТЭЦ получила указание: продать экскаватор химическому заводу.

Продали.

Однажды кто-то из заводского начальства, проходя по двору, неосторожно стукнулся об экскаватор коленкой. И, естественно, зашибся. От боли начальство вскрикнуло:

— Ой! — и добавило: — Разобрать и свалить в металлолом!

Разобрали и свалили. На тот случай, чтобы об него больше никто не стукнулся. Зачем рисковать?

А если подумать как следует, надо было выждать. А вдруг снова кому-нибудь понадобится поднять процент выполнения плана или освоения средств? Хотя бы той же ТЭЦ! Вот тогда бы можно снова загнать этот экскаватор за приличную сумму.

Зря поторопились...

Б. ОЛЬГИН

ДИРЕКТОР: — А это продукция нашей фабрики!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Р А Д Ы С Т А Р А Т Ь С Я!

Доволен ли человек, когда за ревностное выполнение служебного долга его сажают на двенадцать суток в каталажку? В городе Щорсе, Черниговской области, вполне серьезно утверждают, что да, такой человек, попав в арестантскую, испытывает чувство глубокого душевного удовлетворения. А уж если по выходе на свободу узнаёт об уменьшении жалованья, радость его не имеет границ!

Чтобы вы не удивлялись, придется рассказать приключившуюся в городе Щорсе историю.

Получив сигнал о выходе пассажирского поезда, дежурный по железнодорожному переезду Ефрем Харитонович Шмаровоз, как и предписывала инструкция, опустил шлагбаум. Но вскоре услышал знакомый голос:

— Пропустил бы, Харитоныч, еще одну машину!

Рядом стоял райкомовский шофер Вячеслав Пырко, известный железнодорожнику еще с тех лет, когда тот лазил в чужие сады за яблоками и величался просто Славкой. Оказывается, машина Пырко успела миновать переезд, а другая райкомовская, которую вел шофер Капустин, осталась у шлагбаума.

— Вызваны в клуб за начальством... Ждать некогда! Пропусти Капустина. Проскочит! — настаивал Пырко.

— Да в своем ли ты уме? Поезду семафор открыт, а я автотранспорт на пути пушу!..

— Пойми: райкомовская машина.

— А паровоз разбирать не станет! Костей твоей Капустин не соберет.

— Не мой он, а самого Михаила Трофимовича личный водитель! Открой переезд.

Дежурный не выдержал:

— Не мешай, Славка, работать! Катись отсюда. Уязвленный Пырко прибыл в клуб с неболь-

шим опозданием и, не моргнув глазом, доложил своему шефу, что зловерный Харитоныч чинит препятствия как автомобильному, так и гужевому транспорту, буйствует у шлагбаума и кроет на чем свет стоит всех подряд.

Вполне резонно, что этому изрядно преувеличенному сообщению Михаил Трофимович удивился. Совершенно естественно, что он рекомендовал кому следует разобраться в происшествии, а если дежурный виноват, строго его одернуть, наказать. Но окружавшие секретаря райкома товарищи ухватились только за последнее слово.

Наказать! Обязательно наказать, поскольку такова воля Михаила Трофимовича. Но как бы мог начальник дистанции пути М. Сапуто прищучить дежурного по переезду, когда тот зарекомендовал себя отличным работником, недавно получил почетную грамоту за бдительность да и сейчас, не подняв шлагбаума, поступил абсолютно правильно? Сапуто перевел беспомощный взгляд на стоявшего рядом начальника милиции В. Марченко. Однако и тот знал Харитоныча лишь с хорошей стороны. Не случайно же милиция доверила ему пост общественного автоинспектора. Но тут заговорил районный прокурор В. Наконечный:

— Открытый семафор, закрытый шлагбаум — это все мелочи, детали... Надо брать глубже! Дежурный по переезду сквернословил. А ругань квалифицируется как хулиганство...

Прокурор строго взглянул на милицейского начальника. Марченко прищелкнул каблучками и вызвал к себе старшего лейтенанта Месяца.

Был составлен протокол о том, что Харитоныч «выражался нецензурными словами в адрес граждан, проезжавших по переезду в автомашине». Народного судью И. Ющика не смутил тот факт, что одним свидетелем фигурировал в про-

токоле сам «пострадавший» В. Пырко, а в качестве другого М. Капустин, не вылезавший из машины и даже не слышавший разговора. Не обратил внимания судья и на заявление Харитоныча, что он протокола не подписывал и его подпись кем-то подделана. До того ли Ющик! Он уже слышал об идущих сверху «установках».

Мы согласны: браниться в любых случаях нельзя. Предупредите тогда человека, ограничьтесь мерами общественного воздействия, оштрафуйте, наконец... Харитоныча же подвергли двенадцатидневному аресту, приклеили ярлык хулигана.

Он вышел из камеры с рубцом на душе. Но злключения Ефрема Харитоновича еще не кончились. Теперь за него взялся начальник дистанции М. Сапуто. Он вынудил Харитоныча подать заявление о переводе дежурным на другой переезд, где меньше зарплата. Скрепя сердце, Шмаровоз написал «прошу перевести на три месяца». Эти слова из заявления вымарали и перевели «по собственному желанию» не временно, а навсегда.

Ефрем Харитонович пытался жаловаться, искать защиты. Из областного центра, из Чернигова, прибыл следователь. Он увез в Чернигов собственноручное заявление Шмаровоза о том, что он всем доволен и ни к кому никаких претензий не имеет. Отсидел 12 суток ни за что, ни про что — и доволен... Зарабатывает меньше, чем прежде, — и весьма рад... До чего же наивны бывают иные следователи!

Скверная история произошла в городе Щорсе. Желая выслужиться, не смея противоречить, даже не разобрав толком, чего от них хотят, люди кривили душой, передергивали, жульничали, лгали, попирали человеческое достоинство. И думают, будто все в порядке...

Г. ГРИМИЧ, В. ЕВГЕНЬЕВ

Уважаемый Александр Петрович!

Вы, наверное, уже догадываетесь, о чем пойдет речь. Увы, все о том же: о перебегающих приступах «яичной лихорадки» в системе потребительской кооперации. Иначе говоря, о такой торговле в сельских магазинах, когда основной денежной единицей является куриное яйцо.

Вообще говоря, политэкономия не отрицает и этой формы купли-продажи. У некоторых племен денежной единицей были кокосовые орехи, у других — морские раковины, у третьих — продираемые каменья. Наши предки использовали в качестве денег скот, соль, зерно, меха. Можно допустить, что на заре товарно-меновых отношений расчетной единицей служили и куриные яйца. Правда, я думаю, что в этом случае их предварительно варили вкрутую, ибо сырые яйца едва ли останутся твердой валютой в руках покупателя и продавца, которые не могут сойтись в цене...

Однако та же политэкономия резонно указывает нам с Вами, что эти патриархальные времена миновали и вернуть их невозможно; что теперь мы обязаны придерживаться той денежной системы, единицей которой является не яйцо, а рубль. Кстати, этому же учат нас и правила советской торговли.

Вы, Александр Петрович, знаете не хуже меня, что вряд ли найдется такая газета — центральная или местная, — которая в последние годы не занималась бы «яичным» вопросом. Вряд ли отыщется республика или область, потребсоюз которой не принимал бы самых категорических резолюций, осуждающих «яичную» торговлю.

И что же в результате?

В фельетоне «Яичная лихорадка» («Крокодил» № 24 за 30 августа прошлого года) были отмечены республики и области, где система Товар — Яйцо — Товар прочно вошла в обиход сельской потребкооперации. Это Киргизская ССР, Бурятская АССР, Новосибирская

и Целиноградская области, Красноярский край.

Не прошло и полтора месяцев после выхода номера, как я получил письмо за подписью Вашего заместителя тов. Г. Е. Иванова. Он сообщил, что еще 25 июня 1965 года правление Центросоюза приняло постановление (№ 116), каковым «обязало потребсоюзы принять меры к ликвидации фактов встречной продажи товаров при закупках яиц, а лиц, допускающих нарушения правил советской торговли, строго наказать». Тут же говорилось и о наказании председателей потребсоюзов, названных в фельетоне «Яичная лихорадка».

Сообщение о письме тов. Иванова было опубликовано в номере 35 журнала (за 20 декабря прошлого года). Тут же я добавил два свеженьких факта яичной коммерции — из Молдавской ССР и Оренбургской области.

Через полтора месяца после появления заметки я послал лично Вам письмо, в котором просил сообщить, какие меры Центросоюз намерен принять в связи с этим вторичным выступлением.

Подождав некоторое время, я снял телефонную трубку и связался с тов. Ивановым. Он пообещал, что заметка будет подвергнута обсуждению на заседании правления Центросоюза.

16 марта (спустя почти три месяца после опубликования заметки) правление Центросоюза признало правильными факты, приведенные в ней, и даже (как гласит письмо другого Вашего заместителя, Е. Н. Невского) «признало правильной критику журнала «Крокодил»... о недостаточных мерах со стороны аппарата Центросоюза и правлений потребсоюзов в отношении нарушителей правил торговли при закупках яиц».

Письмо тов. Невского заканчивалось очень обнадеживающе:

«Правление Центросоюза предупредило всех руководителей торговых и заготовительных организаций потреби-

тельской кооперации об их персональной ответственности за строгое соблюдение правил торговли при закупках сельскохозяйственных продуктов».

Теперь, Александр Петрович, представьте себе: лежит у меня на столе это приятное письмо, а рядом с ним громадный стопка других писем — читательских. И вот что я из них узнаю.

В Ростовской и Ивановской, Тамбовской и Астраханской, Гомельской и Днепрпетровской, Луганской и Курганской областях, в Краснодарском крае, в Удмуртской АССР, в Узбекской ССР и, наконец, в уже упомянутых выше Киргизской ССР и Целиноградской области «яичная лихорадка» свирепствует по-прежнему как ни в чем не бывало.

Могу, между нами, сообщить Вам, как складываются сегодня цены на потребительском рынке. Вот, к примеру:

1 яйцо = 2 ученическим тетрадам.
2 яйца = пионерскому галстуку.
3 яйца = капроновому бантику.
8 яиц = пачке дрожжей.
30 яиц = свитеру.
40 яиц = 1 головному платку.
300 яиц = шубе.
600 яиц = стиральной машине.

И так далее, вплоть до мотоцикла, за который в Киреево-Кадамовском сельпо, Ростовской области, берут 1000 (одну тысячу) яиц наличными.

В обмен на яйца — и только в обмен! — «продают» по-прежнему комбикорм и телевизоры, синьку и сгущенное молоко, дрожжи и конфеты...

Такая-то вот конъюнктура! Впрочем, все это для Вас, конечно, вовсе не новость. И если о чем стоит нам сегодня подумать, так это о проблеме, обозначенной в заголовке: «Одно из двух!».

Еще в фельетоне «Яичная лихорадка» утверждалось, что истинная стоимость куриного яйца как всеобщего эквивалента пока что твердо не установлена. Теперь, просматривая письма читателей, я могу доказать это на конкретном примере. В Молдавии за метр клеенки

берут десяток яиц, в Ростовской области — два десятка, в Удмуртии — три, а в Курганской области — пять. В общем, единых расценок нет.

С другой стороны, как мы убедились, попытки укротить самостоятельное равнение поборников местной яично-меновой инициативы решительного успеха не имеют. Вопреки всем нисходящим циркулярам, потребсоюзские крепости не только не сдаются, но, напротив, продолжают развивать яичную экспансию. Вот тут-то и встает дилемма «либо-либо».

Один путь: узаконить наряду с существующей денежной системой яичную систему, которая действовала бы во всех сферах потребительской кооперации. В этом случае пришлось бы срочно решить ряд назревших вопросов, как-то:

а) упомянутый выше вопрос об унификации цен, или, иначе, об утверждении единой стоимости одного куриного яйца,

б) о строительстве типовых каркасно-панельных сейфов, а также о массовом выпуске кошелек-авосек емкостью до двухсот денежных единиц.

в) о переводе инкассаторов в сельских местностях на 40-тонные самосвалы для транспортировки выручки.

Разумеется, это только первые наметки. Так же, как и Вы, я предвижу немалые технические трудности в осуществлении этой денежной реформы. Однако думаю, что с помощью все тех же райпотребсоюзов, при их несгибаемом упорстве и железной выдержке эти трудности можно будет преодолеть.

Другой путь: опираясь на правила советской торговли, попытаться сломить сопротивление потребсоюзов и восстановить денежную систему всюду, где она самочинно заменена яичной.

Опасаясь, однако, что при нынешних темпах победа на антияичном фронте будет нелегкой и не скорой.

Итак, Александр Петрович, слово за Вами. Я ожидаю, что на ближайшем заседании правление Центросоюза обсудит оба варианта и выберет наиболее приемлемый. Как бы ни решило правление, Вы можете быть уверены, что я, со своей стороны, готов по-прежнему помогать Вам словом и вилами.

Искренне Ваш
КРОКОДИЛ

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«В поселке оборудован вытрезвитель на базе холодной воды общественной бани».

(Из письма в редакцию.)

«Управление пассажирского транспорта делает меня своими ответами полным идиотом, которым я не являюсь, так как возглавляю крупное предприятие на общественных началах».

(Из письма в редакцию.)

Доставила Н. БАРАНОВА.

г. Москва.

«Оштрафовать родителей Жилина и Глотова за воспитание детей в сумме 20 рублей».

(Из решения комиссии по делам несовершеннолетних.)

Прислал В. ФИЛИППОВ.

Мордовская АССР.

«Благотин Виктор Михайлович, электрик. Пьяный воспитывал жену, отчего получил себе ссадину на лбу».

(Из акта.)

Копию снял Г. НЕТКАЧЕВ.

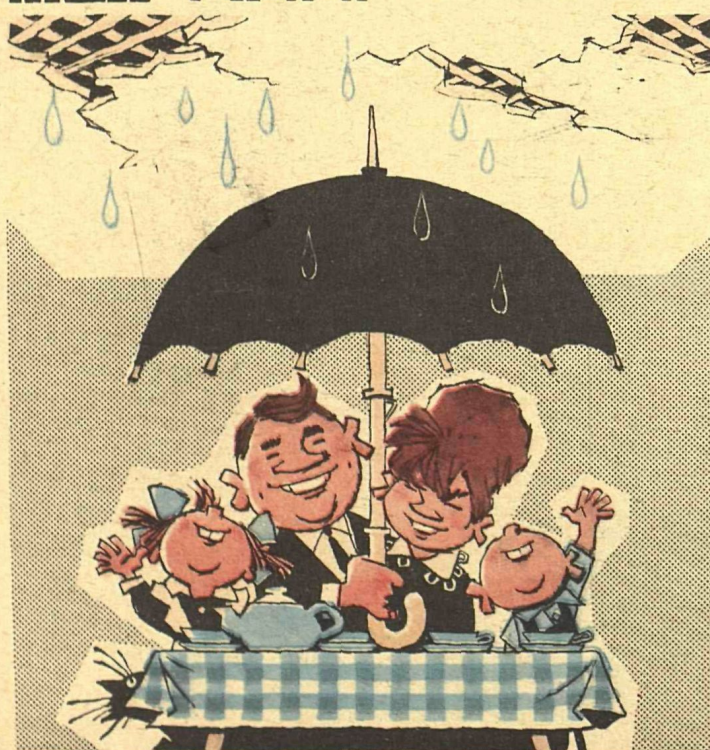
г. Норильск.

«Объяснение Я, Савушкин Н. Ф., прогулял по состоянию здоровья, выражавшемуся в безразличии ко всему окружающему. О чем и даю данное объяснение».

Прислал А. СИМАКИН.

г. Подольск.

Моя РЕКЛАМА

ЗОНТИК — ЛУЧШИЙ ПОДАРОК!

Рисунок Е. МИГУНОВА

отклики РЕПЛИКИ

«ТЕРПЕЛИВОЕ ПЕРО»

Сложен был путь оформления выплаты премий за создание и внедрение новой техники в Министерстве судостроительной промышленности СССР. Подготовленный проект приказа визировался двенадцатью инстанциями!

Заместитель министра судостроительной промышленности СССР тов. М. Лариошин сообщил редакции, что заметка «Терпеливое перо», опубликованная в № 35 за прошлый год, соответствует действительности. Теперь порядок оформления приказов о премиях значительно упрощен.

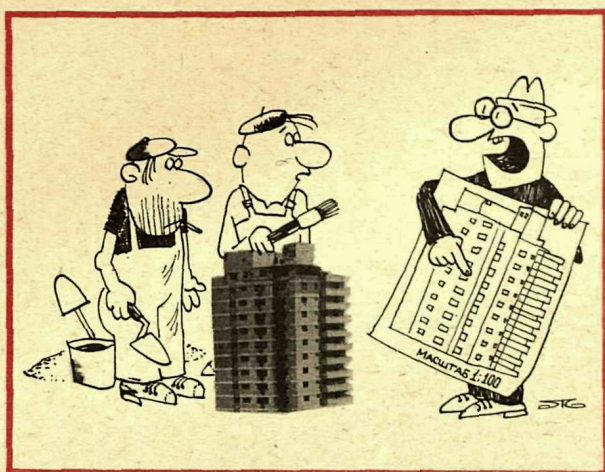
«ДИКИЕ ОСОБНЯКИ»

В Махачкале немало самовольных застройщиков, которые, не считаясь с планировкой города, строят дома, где им заблагорассудится. Решит, скажем, горсовет возвести школу или магазин, а на отведенном участке уже красуется чей-нибудь кривобокый особняк. За последние годы таким образом возведены сотни домов.

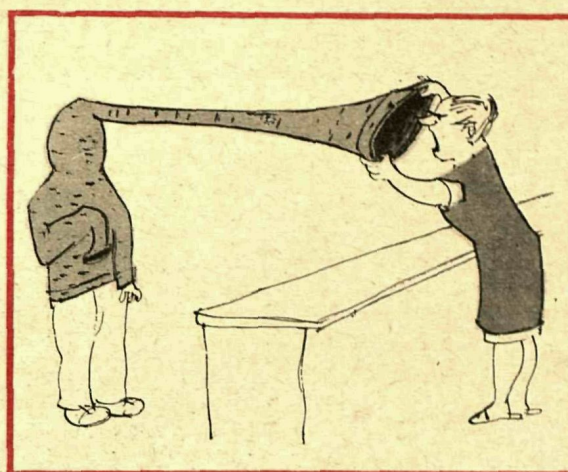
В фельетоне «Дикие особняки» («Крокодил» № 35, 1965 г.) речь шла о Гусейне Абдулгамидове, который начал строительство дома без разрешения горсовета и занял часть участка, отведенного горисполкомом В. Чигиркину.

В решении по фельетону горисполком наметил меры, исключающие в дальнейшем возможность самовольного строительства личных домов. Виновные в закреплении самовольно построенного дома Абдулгамидова наказаны: бывшему заместителю председателя горисполкома Ганиеву объявлен выговор, инженер Мукайлов отстранен от работы.

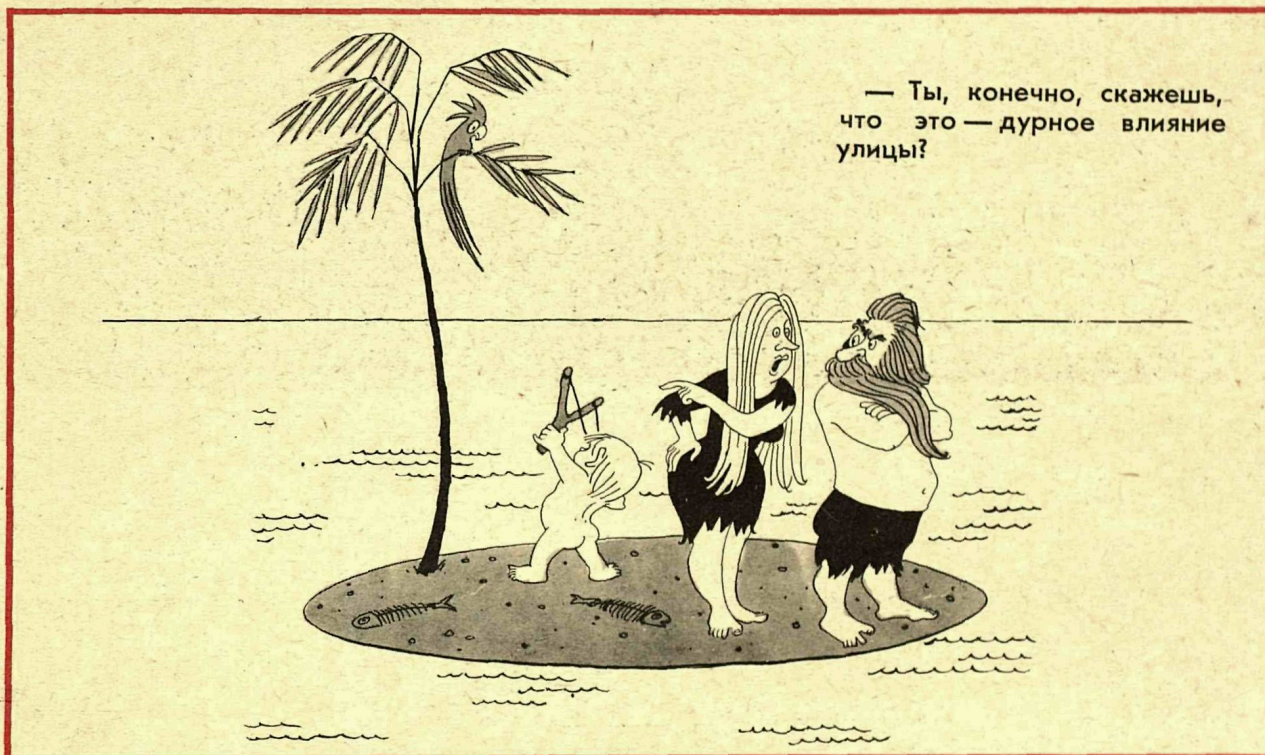
Бюро горкома КПСС предложило председателю горисполкома тов. Магидову оказать тов. Чигиркину помощь в строительстве дома, выделив ему ссуду и необходимые строительные материалы.

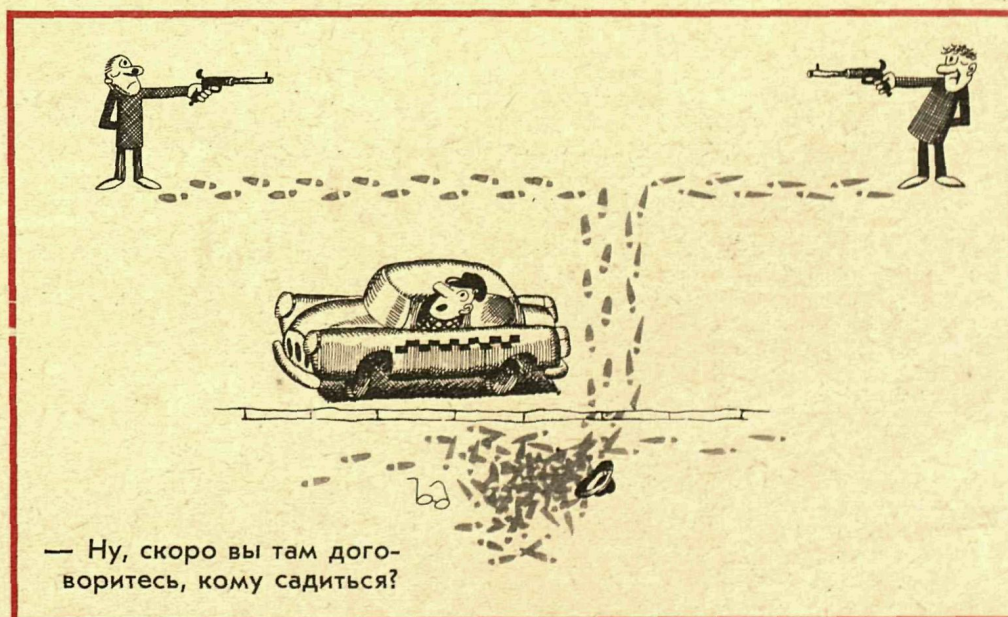
— Вот же был ясно указан масштаб!

— Алло! Покупатель, я же предупреждала: материал тянется!

— Ты, конечно, скажешь, что это — дурное влияние улицы?

— Ну, скоро вы там договоритесь, кому садиться?

Рисунки
В. ВОЕВОДИНА,
Е. ГУРОВА,
А. СЕМЕНОВА,
О. ТЕСЛЕРА

ПРОСТО АНЕКДОТ

Мать говорит дочери, примеряющей перед зеркалом вечернее платье, очень короткое и предельно декольтированное:

— Если бы я в твои годы носила такие наряды...

— То имела бы огромный успех.

— Возможно. Но ты была бы на десять лет старше.

Смит вернулся из Нью-Йорка в свой городок. На следующий день он ощутил жар и позвал врача. Тот установил грипп и лечил Смита в течение десяти дней, пока больной не поднялся. Неожиданно для врача встретил бывшего пациента на улице и сказал ему:

— Мистер Смит, вы должны мне за пять визитов.

— Напротив, — возразил Смит, — это вы, док, должны быть благодарны мне.

— За что?

— Весь городок от меня заразился.

— Ты подумай! Жестяника, который чинил нашу крышу, вчера сбил машина.

— Кошмар! Стало опасно гулять даже по крышам.

В театре кан-то освистали пьесу. Аплодировал лишь один человек.

— Почему вы аплодируете? — спросили его соседи.

— А я аплодирую тем, кто свистит.

Жан разгуливает по парку под руку с девушкой. На встречу идет дама, с которой Жан вежливо раскланивается.

— Кто это такая? — спрашивает у Жана девушка.

— И не спрашивай, — вздыхает Жан. — У меня будет достаточно неприятностей, когда она спросит, кто такая ты.

В квартире раздается звонок. Хозяин отирает дверь и видит водопроводчика.

— У вас в ванной лопнула труба?

— Нет.

— Как так? Это квартира Ковальских?

— Уже нет. Они выехали два месяца назад.

— Что за люди! Вызывают водопроводчика, а сами уезжают!

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Адрес редакции:
Москва, А-15,
Бумажный пр., 14.
Тел. Д 0-10-86.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (ответственный секретарь), Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Б. Е. ЕФИМОВ, В. Д. НАДЕИН, И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

А 10249. Изд. № 228.
Издательство «Правда»

Подписано к печати 9/IV 1966 г.

Формат бум. 70×108/8.

Тираж 4 300 000 экз.

1 бум. л.—2,74 печ. л.

Заказ № 1041.

СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ ЛЕДОХОД

Рисунок Бор. ЕФИМОВА